ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЮНОСТЬ

Юноши и девушки!
Настойчиво овладевайте
марксистско-ленинским учением,
достижениями науки,
техники и культуры!
Приумножайте славные революционные,
боевые и трудовые традиции
советского народа!
Будьте в первых рядах борцов
за успешное выполнение
решений XXV съезда КПСС!

Из Призывов ЦК КПСС и 59-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Журнал
основан
в
1955
году

11
[258]
НОЯБРЬ
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

В. ВАСИЛЬЕВ

ВСТРЕЧИ

В ТАВРИЧЕСКОМ ДВОРЦЕ

Комментарий к одной фотографии

Бело-мраморный зал. Внимательные лица людей. На трибуне — Ленин. Все — и докладчик и слушатели — не замечают, что их кто-то фотографирует.

Вот солдат, подперев голову рукой, ловит каждое слово Ильича. Его сосед тоже повернулся к Ленину. Он чем-то явно взволнован. Ворот расстегнут. Сидит, так и не сняв с головы лихо сдвинутую набекрень военную фуражку.

Справа от него — еще один солдат, тоже слушает. Совсем молодой. Шинель накинута на плечи. В руках какой-то журнал. Молодой солдатик с журналом в руках — автор этих строк.

Долго я не знал о существовании столь редкого снимка. А несколько лет назад мне прислал его мой давний друг, бывший рабочий завода «Розенкранц» Павел Семенович Успенский, в первые дни после свержения самодержавия избранный депутатом Петроградского Совета. Он тоже узнал себя: на снимке стоит во втором ряду, позади меня.

...Кто же автор этой фотографии? Почему снимок оставался неизвестным?

Поиски привели меня в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Оказалось, 43 года отделяют первую публикацию этой фотографии от того дня, когда вездесущий земляк мой, питерский фотограф П. И. Волков делал снимки в главном зале Таврического дворца.

П. И. Волков вряд ли осознавал, какое важное историческое событие ему на этот раз удалось запечатлеть. Дома, проявив пленку, он, как потом выяснилось, промыл ее без особого старания. На кадре остались соли фиксажа. Фотография была обречена на гибель.

Шли годы. Изображение слабело. Словно в тумане, растворились лица людей. Время навсегда уносило бесценную реликвию.

Подняли все сохранившиеся в Партархиве позитивы, сделанные самим автором. На одном, контрольном, размером 6 х 9, удалось обнаружить надпись: «С натуры, 4 апреля 1917 года. П. И. Волков».

Началось восстановление редкого снимка. Оно продолжалось около года. О том, как реставраторы подбирали специальный режим съемки, определяли экспозиции, характер пластинок, можно написать целую повесть.

Восстановленный снимок впервые появился в «Известиях» 26 февраля 1960 года. Затем неоднократно публиковался в разных сборниках произведений Ленина. Но до недавних пор оставался не полностью расшифрованным.

Сравнительно несложным оказалось узнать тех, кто на снимке находится справа от Ленина. На объединенном собрании большевиков и меньшевиков (к слову, последнем «объединенном» в истории нашей партии), присутствовали лидеры меньшевиков. Они

С ЛЕНИНЫМ

занимали места справа от Ленина и отчетливо видны на снимке.

Не до конца расшифрованной оставалась группа слева от Ильича. Наша группа...

Рядом с Лениным — за трибуной — видна только голова — это А. Е. Васильев, мой дядя, токарь Путиловского завода, профессиональный революционер, член Петербургского комитета и один из партийных организаторов Нарвского района в годы подполья. До революции — 12 арестов, ссылки. В апреле 1917 года — председатель заводского комитета путиловцев. Слева от меня, в фуражке набекрень, унтер-офицер, кавалер трех Георгиев. С ним — об этом сказ впереди — связан драматический эпизод во время доклада В. И. Ленина. Позади нас стоят члены полковых комитетов Попов, Успенский; слева от нас сидят Волокушин, Семенюк, Судаков. Впереди стоит мой старший брат, Дмитрий, большевик, председатель одного из полковых комитетов.

Смотрю на бесконечно родное лицо Ильича, на все еще не остывшее от волнения лицо моего соседа в фуражке набекрень, на лица моих товарищей — и час за часом восстанавливаю незабываемый для меня день 4 апреля 1917 года.

В этот день Ленин в Таврическом дворце выступал дважды: в полдень — на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов с докладом, в котором огласил и разъяснил свои Тезисы о задачах революционного пролетариата (Апрельские тезисы); после небольшого перерыва вторично с этим же докладом — на объединенном заседании большевиков и меньшевиков — участников совещания Советов. На этом заседании присутствовал и я.

Как же молодой красногвардеец (шел мне тогда 20-й год) оказался 4 апреля рядом с вождем революции?

Накануне я впервые увидел Ленина. Узнав, что Владимир Ильич приезжает из эмиграции в Петроград, около трех тысяч путиловцев с развернутыми красными знаменами двинулись вечером к Финляндскому вокзалу. Мы, члены районной дружины Красной гвардии,— во главе колонны. Шли с факелами, с песнями. По дороге к нашей колонне стали присоединяться рабочие «Треугольника», «Тильмана», химического. Настроение у всех приподнятое, праздничное.

К нашему приходу вся площадь вокзала уже была заполнена рабочими, солдатами, матросами. Нас, путиловцев, поставили слева от главного входа. По соседству, у самого выхода на площадь из парадных, «царских» комнат вокзала, заняли все свободное пространство броневики.

...Кто-то крикнул: «Идет!» Многоголосый шум, звуки военных оркестров прорезал гудок паровоза. На площади все стихло. Мы, красногвардейцы, не дожидаясь приказа, встали по команде «Смирно!». Луч прожектора выхватил из тьмы высоко поднятое над путиловской колонной натянутое на двух древках полотнище: «Привет товарищу Ленину!»

Есть биографии, на чьих страницах словно отблеск самой истории. Такова жизнь коммуниста Василия Ефимовича Васильева, члена КПСС с января 1918 года, делегата XXV съезда КПСС.

В его послужном списке длинный перечень званий, профессий, должностей. Был слесарем и солдатом, столяром и дипломатом, каменщиком, красногвардейцем и комкором. Сын и внук питерских пролетариев, рабочий-путиловец, один из организаторов первых красногвардейских отрядов,— он прошел путь от рядового революции до генерал-лейтенанта. Одним словом, прожито и пережито столько, что хватило бы не на один захватывающий многосерийный фильм.

Штурмовал Зимний. Брал со своим 2-м Петроградским (Нарвским) полком Симбирск—родной город Ильича. В годы Великой Отечественной войны дивизия, которою командовал генерал Васильев, участвовала в освобождении Украины, Чехословакии, Румынии. После войны Васильев — заместитель маршала Конева, в то время командовавшего войсками Прикарпатского военного округа.

Две революции, три тюрьмы, три войны, пять ранений. И вечный бой. И — на восьмидесятом году жизни — в строю. Член Киевского горкома партии, внештатный лектор ЦК ЛКСМУ, пропагандист и агитатор с шестидесятилетним стажем, Василий Ефимович частый и желанный гость молодежи, много ездит по стране, охотно выступает с лекциями, воспоминаниями.

Самыми незабываемыми для него были и остаются встречи с Лениным.

Как член «Военки», старший небольшой подвижной группы по охране ЦК партии и В. И. Ленина, Васильев с апреля 1917 по март 1918 года неоднократно встречался с Ильичем, слушал его, беседовал с ним.

В настоящее время В. Васильев работает над книгой воспоминаний.

Мы печатаем главы из этой книги — «Встречи с Лениным». Эти главы помогают уточнить некоторые важные события. С любовью рисуя образ В. И. Ленина, автор показывает героизм простых рабочих и солдат, самоотверженно боровшихся за победу социалистической революции.

Проходит еще несколько минут. Мощное «Ура!». На пороге вокзала, окруженный соратниками, друзьями — Ленин. Вот он приостановился, взмахнул шляпой, приветствуя рабочих, солдат и матросов революционного Петрограда.

В лучах прожектора — мощный лоб, энергичный взмах руки, пальто нараспашку. Тут же, у выхода из вокзала, Владимир Ильич произнес свое первое приветствие собравшимся на площади. Это была очень короткая речь. И, может, поэтому, мне запомнился основной ее смысл: никакого доверия Временному правительству, никакого компромисса с теми, кто пытается свести революцию к сладким речам и посулам. Народу нужен мир, народу нужен хлеб, народу нужна земля.

Ленин говорил слова, очень понятные мне, рабочему и сыну рабочего, вчерашнему солдату, на своей шкуре испытавшему, что такое война.

Закончил Ленин призывом, отметающим сомнения, колебания: «Да здравствует социалистическая революция!»

Тут наши соседи из броневой команды предложили Ленину подняться на освещенный прожекторами броневик.

...Столько лет прошло, а перед глазами вновь и вновь оживает эта ночь. Тысячные толпы рабочих, солдат. Знамена, словно фантастические красные птицы, реющие над нами. Владимир Ильич на броневике произносит свою речь, ставшую исторической.

Вслед за броневиком пошла рота матросов. За ней — наша колонна, а за нами все, кто был на площади. «Да здравствует товарищ Ленин!», «Ленину — неутомимому борцу русской революции — привет!». Ликующие возгласы не смолкали на всем пути от вокзала к бывшему особняку Кшесинской, где помещались Центральный и Петербургский комитеты РСДРП.

...Поздней ночью возвращались мы за Нарвскую заставу. «Интернационалом» будили сладко спавших обывателей. Не понимая, что происходит, они выглядывали из окон, изредка, сонно потягиваясь, появлялись на балконах. «Ленин приехал! — кричали мы им.— Ленин с нами!» Буржуа захлопывали окна, испуганно задергивали занавески. А во мне все ликовало: Ленин приехал.

Спать в эту ночь не пришлось: делились впечатлениями. А утром вышел на улицу. На каждом шагу меня останавливали знакомые путиловцы — из тех, кто не был на Финляндском вокзале. Все расспрашивали, какой он, Ленин, что говорил.

Увидел меня Корчагин — депутат Петросовета, обрадовался:

— На ловца и зверь бежит. Пошли в райком. Нас товарищ Косиор вызывает.

У Станислава Викентьевича Косиора, члена Петербургского комитета партии, мы застали знакомых красногвардейцев: Смолина, Ивана Газу, Семенюка. Успенский, насколько мне помнится, присоединился к нам позже. Косиор предложил немедленно отправиться в Таврический дворец в распоряжение Подвойского.

Нас ждали. У входа во дворец я увидел Митю, моего старшего брата. Он провел нас в главный зал к Подвойскому и Барановскому.

— Рассаживайтесь поближе к председательской трибуне,— распорядился Николай Ильич Подвойский.— Охраняйте товарища Ленина от возможных эксцессов.

Тут уже сидело трое наших товарищей. Обрадовались — нашего полку прибыло!

Зал стал наполняться народом.

Большевики — некоторых я знал лично,— до этого заседавшие наверху, в помещении своей фракции,— уселись в левом секторе думских мест: всего — четыре стула и хоры.

Остальные места заняли меньшевики, представители других фракций.

...Зал то гудел, словно улей, то взрывался громким, ожесточенным спором.

И вдруг — тишина. На председательской трибуне, вдоль всей ее линии появились лидеры Петросовета — Чхеидзе, Церетели, Дан. С ними — В. И. Ленин. Председатель собрания Н. С. Чхеидзе объявляет основной вопрос повестки дня: выяснение возможности объединения большевиков с меньшевиками в одну партию.

Сначала выступило несколько меньшевиков.

И вот на трибуне-кафедре невысокий плотный человек с рыжеватой бородкой. Ленин... Наши — большевики, красногвардейцы — встречают его аплодисментами. Он гасит их энергичным движением руки.

По словам плехановской газеты «Единство», Ленин «произнес большую речь, произведшую несомненную сенсацию». Я бы назвал это не «сенсацией», а взрывом бомбы. Доклад Ленина звучал таким диссонансом умильным речам меньшевистских ораторов, что многие присутствовавшие повскакали со своих мест. Гнев, возмущение, сарказм, насмешка, свистки, злобные выкрики. Ленин энергичным жестом, словно отметая все это, говорил: война — продукт империализма, а потому в отношении к войне не должно быть никаких уступок... Капитализм зашел в тупик, и объективный выход один — социализм... Наша цель — не парламентская республика, а Республика Советов... Трудящиеся должны взять в свои руки власть и управлять всеми делами государства.

...Я наслушался немало речей после февраля. Наслушался присяжных, на свой лад первоклассных ораторов, знающих, как, чем «зацепить» любую аудиторию. Один «брал» отлично поставленным голосом — от шепота до громового раската; другой — почти артистическими жестами; третий — неожиданными переходами от серьезного, порой трагического, к шутке, анекдоту.

А Ленин? Жесты скупые, ничего от позы, ничего бьющего на эффект. Заметная картавость делает речь его почти «домашней», разговорной, но в то же время обладает такой силой убеждения, что устоять перед его обаянием нельзя. Главное впечатление — цельность, удивительная слитность мыслей, слов, жестов. Слова весомо, зримо, тяжело падают в зал, то притихший, то бурлящий, готовый взорваться.

Почему-то вспомнилось давнее. В селе за Уралом, где нам после ссылки отца пришлось жить несколько лет, я не раз видел, как вслед за плугом сеятель разбрасывает зерна. Шагает по вспаханному полю широко, размеренно, неутомимо. Шаг — бросок. И снова шаг—бросок. Ни одного лишнего движения. Вот кого на трибуне-кафедре напомнил мне Ильич.

...Инцидент, о котором я хочу здесь рассказать, произошел, когда Ленин, заговорив о мире, дважды одобрительно упомянул слово: «братание». И тут я увидел, как стремительно сорвался со своего места и шагнул к трибуне незнакомый мне тогда унтер-офицер, кавалер трех Георгиев. Истерически выкрикивая: «Постой, погоди!», он остановился у самой трибуны:

— Ты кто такой? С кем предлагаешь брататься?! Видать, на фронте не был! Я дважды раненный. Я тебе, господин хороший, покажу братание!

Тут мы с Семенюком и солдатом-измайловцем Волокушиным подбежали к унтер-офицеру. Втроем еле угомонили его, усадили рядом с собою. Он так и просидел до конца собрания в фуражке (таким и заснял его фотограф), то и дело что-то выкрикивал. Зашумели и другие делегаты-фронтовики:

— Правильно, браток! За что воевали?!

Председатель собрания Н. С. Чхеидзе, не скрывая ехидной ухмылки, принялся было призывать зал к порядку. Но тут на помощь моему беспокойному соседу неожиданно пришел Ильич.

Положение товарища Ленина мне в эти минуты казалось весьма и весьма трудным, незавидным. Одно дело — меньшевики, открытые идейные противники, другое — такое яростное выступление человека оттуда, из окопов.

Инцидент этот мне хорошо запомнился, но все мои попытки найти подтверждение ему в выступлениях и статьях Ильича, в прессе тех лет, в воспоминаниях долго были бесплодными. Помог счастливый случай — знакомство с книгой одного из ближайших сотрудников Владимира Ильича — В. Д. Бонч-Бруевича «Воспоминания о Ленине».

Говоря об «объединительном» собрании 4 апреля 1917 года, В. Д. Бонч-Бруевич рассказывает и о «взвинченном депутате» с фронта, который «стал ругаться самым отчаянным образом». В зале зашумели. Председатель стал его останавливать.

В. Д. Бонч-Бруевич пишет далее:

«Владимир Ильич спокойно, улыбаясь, выжидал, когда страсти улягутся.

— Товарищи,— начал он снова,— сейчас только товарищ, взволнованный и негодующий, излил свою душу в возмущенном протесте против меня, и я так хорошо понимаю его. Он по-своему глубоко прав. Я прежде всего думаю, что он прав уже потому, что в России объявлена свобода, но что же это за свобода, когда нельзя искреннему человеку,— а я думаю, что он искренен,— заявить во всеуслышание, заявить с негодованием свое собственное мнение о столь важных, чрезвычайно важных вопросах? Я думаю, что он еще прав и потому, что, как вы слышали от него самого, он только что из окопов, он там сидел, он там сражался уже несколько лет, дважды ранен, и таких, как он, там тысячи. У него возник вопрос: за что же он проливал свою кровь, за что страдал он сам и его многочисленные братья? И этот вопрос самый главный вопрос. Ему все время внушали, его учили, и он поверил, что проливает свою кровь за отечество, за народ, а на самом деле оказалось, что его все время жестоко обманывали, что он страдал, ужасно страдал, проливал свою кровь за совершенно чуждые и безусловно враждебные ему интересы капиталистов, помещиков, интересы союзных империалистов, этих всесветных и жадных грабителей и угнетателей. Как же ему не высказывать свое негодование? Да ведь тут просто с ума можно сойти! И поэтому еще настоятельней мы все должны требовать прекращения войны, пропагандировать братание войск враждующих государств как одно из средств к достижению намеченной цели в нашей борьбе за мир, за хлеб, за землю» [1].

Бесценное свидетельство! Перечитывая вновь и вновь слова Ильича, вижу его улыбку, то ироническую, то согретую сочувствием и любовью.

...Время от времени я бросал взгляд на георгиевского кавалера. Какое борение чувств, какая смена настроений отразились на его обветренном суровом лице: недоумение («Как же так? С кулаками лез, ругал человека на все заставки, а он же тебя и защищает»), сомнение («Говорить мы все мастера»), колебание, первые проблески доверия («А ведь понимает, насквозь видит наши беды, страдания, душу

Василий Ефимович Васильев

солдатскую»). Уже не вскакивал, не срывался с места. Внимательно слушал. Как, впрочем, и другие депутаты: солдаты, крестьяне, рабочие, до этого по тем или иным причинам — чаще всего — из-за недостаточной политической зрелости — примыкавшие к меньшевикам, эсерам, анархистам.

Владимир Ильич говорил слова простые, понятные, о том, что было по-настоящему близко, что волновало и пахаря, и молотобойца, и человека в серой шинели. Говорил, а сосед ваш напряженно слушал.

Думается, читателю небезынтересно узнать, как в дальнейшем сложилась судьба унтер-офицера, георгиевского кавалера. В. Д. Бонч-Бруевич не называет его («кто-то из особо взвинченных депутатов с фронта»).

Этот «кто-то» вскоре стал моим другом. Кравченко — депутат Юго-Западного фронта — принимал участие в работе II Всероссийского съезда Советов, штурмовал Зимний. Затем я надолго потерял его из виду. В начале 1921 года я получил новое назначение на должность комиссара 85-й бригады. Квартировала бригада в Омске. Приезжаю в 253-й полк знакомиться с личным составом. Остановился у одного из батальонов, выстроенных на плацу. Смотрю, навстречу мне, держа правую руку под козырек, четко, по-уставному отбивая шаг, идет командир, в длинной шинели, опоясанный скрипучими новенькими ремнями. Улыбается как старому знакомому.

— Кравченко?!

— Он самый. Всю гражданку провоевал. Член партии большевиков с 1919 года. А если точнее — с 4 апреля 1917-го. Помнишь? Я себя и теперь крестником товарища Ленина считаю...

Мы часто потом встречались. По службе (Кравченко мне аттестовали как храброго, знающего, преданного революции командира) и по дружбе. Погиб красный комбат Кравченко на Алтае поздней осенью 1921 года при подавлении кулацкого мятежа. Погиб настоящим коммунистом.

Небезынтересны и не менее поучительны судьбы других участников исторического собрания в Таврическом дворце, тоже запечатленных на уникальном снимке. Антон Ефимович Васильев — активный участник Великого Октября, видный партийный и советский работник. Мой друг Павел Семенович Успенский прошел всю гражданскую войну, много лет посвятил

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., «Наука», 1969 г., стр. 78—79. Очерк «В. И. Ленин в России». Написан в 1924 году, впервые опубликован в 1924—1925 году. Снимок «4 апреля. В. И. Ленин выступает в Таврическом дворце» стал известен уже после смерти В. Д. Бонч-Бруевича (то есть после 1955 года).

воспитанию рабочей молодежи. Иван Семенюк — комиссар бригады, погиб в 1919-м на Восточном фронте. Судаков — один из самых уважаемых ветеранов Кировского завода.

Брат мой Митя вскоре погиб: его застрелил офицер «Дикой дивизии» прямо на трибуне, когда он выступал перед казаками. Было это в самом начале корниловского мятежа.

...Оглядываясь назад, вспоминая прошлое, пережитое, все больше убеждаюсь в огромном значении этой исторической речи Владимира Ильича. Из уст в уста передавались рабочими слова Ленина, прозвучавшие в Таврическом дворце:

— Довольно поздравлений, пора приступать к делу...

КАК Я ПОПАЛ В «АНАРХИСТЫ»

Стоял на редкость для Петрограда солнечный июньский день. Нас было трое: Федоров, Семенюк и я. Возвращались мы, помню, с какого-то задания. Подходим к Троицкому мосту — митинг. Собралось человек сто, слушают оратора. Тот в студенческой тужурке, прилепился к фонарному столбу, словно акробат. Одной рукой обнимает столб, а свободной размахивает. Захлебываясь, не выкрикивает, а, казалось, выплевывает, слова: пломбированный вагон... золото... Ленин.

Знакомая песенка. Надо сказать, что дикая травля Ильича началась уже в первые дни после его приезда.

12 (25) апреля Ленин пишет членам Заграничного представительства ЦК РСДРП(б) в Стокгольм: «Буржуазия (+ Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удается: есть сторонники, и верные...»

В июне обстановка еще больше накалилась. Статьи в буржуазных газетах прямо и косвенно подстрекали к убийству В. И. Ленина. Действовали в те дни и сотни контрреволюционных агитаторов.

...Спрашиваю солдатика-фронтовика:

— О чем разговор?

— О чем, о чем? Гутарит: Ленин от самого кайзера десять пудов золота заполучил. Мол, я тебе золотишко, а ты — против войны и революции выступай.

Федоров, сам из матросов, горячий не в меру — хвать солдатика за грудки, встряхнул, спрашивает:

— А ты, простота, так и поверил?

Солдатик — за винтовку. Лицо его, лукавое, веснушчатое, вмиг посуровело:

— Не тронь, матрос! Не твоя забота. Це дило треба розжувати. Как-нибудь сами разберемся, где ложь, а где правда.

Мы поближе к оратору. Несет такую ахинею — терпеть невмоготу. Схватили мы «оратора» за ноги, деликатненько так — на землю опустили.

— Иди,— говорим,— не оглядывайся. Впредь ври, да знай меру.

«Студент» — в амбицию:

— У нас,— кричит,— свобода! Я,— говорит,— жаловаться буду.

Накостыляли мы по шее незадачливому оратору. Отвели душу.

На следующий день прихожу в ЦК, в особняк Кшесинской. В двух шкафах по просьбе Владимира Ильича складывались свежие газеты. Была у нас такая договоренность: кто раньше является, тот и должен нести газеты Ильичу.

Обычно Ленин в своей рабочей комнате на втором этаже засиживался допоздна, зато утром приходил попозже. С пачкой газет смело переступаю порог, уверен, что в хорошо знакомой мне комнате никого нет, и тут же, к удивлению, слышу:

— Товарищ Васильев? Заходите, заходите. Вас-то нам и надо.

Рядом с Лениным — Подвойский. Владимир Ильич посматривает на меня с этакой лукавой смешинкой:

— А правду говорят, товарищ Васильев, что вы вступили в партию анархистов?

Я опешил. Чего-чего, а такого не ождал.

— Как же так, Владимир Ильич, кто мог на меня такую напраслину возвести? С анархистами дел никаких не имел, их программу и действия не разделял и не разделяю.

— А как прикажете, товарищ Васильев, расценить вчерашний случай у Троицкого? Им, видите ли,— повернулся Владимир Ильич к Н. И. Подвойскому,— не понравился оратор. И они попросту стащили его с трибуны, чуть ли не самосуд устроили.

— Какая,— говорю,— трибуна?! Он же про вас, товарищ Ленин, всякие небылицы нес.

— Вот-вот, небылицы... Агал, клеветал. Что же вы сделали, чтобы разоблачить ложь, восстановить правду? Поддались эмоциям, минутному гневу, прибегли к насилию и оказали партии, нашему общему делу медвежью услугу. Вот вам и анархизм чистейшей воды. Убедительно прошу вас, товарищ Васильев, сообщить о нашем разговоре Федорову и Семенюку. Так и передайте: в кулачной защите не нуждаемся...

Я рассказал про солдатика, про его желание самостоятельно во всем разобраться.

— Это хорошо. Всякий гражданин,— заметил Владимир Ильич,— вправе и обязан требовать расследования любого факта, имеющего общественное значение. Враг, сознательно и преднамеренно распространяющий ложь и гнусную клевету,— одно; солдат, стремящийся разобраться во всем, узнать истину — другое. Чем больше людей узнает настоящие обстоятельства проезда русских политэмигрантов через Германию, тем лучше для революции, тем скорее потеряет свою силу, свое влияние на массы поток грязной лжи, мутной клеветы и погромной агитации. Так и передайте товарищам.

УРОК ИЛЬИЧА

С 15 ноября 1917 года по март 1918-го я учился на курсах агитаторов — организаторов Совдепов и отрядов Красной гвардии при ЦК партии в Смольном.

Курсы были вечерними. Днем мы выполняли свои обязанности. (Я был тогда командиром отряда Красной гвардии и уполномоченным 1-го отдела Петроградской чрезвычайной комиссии), а в 16.00 собирались в одной из классных комнат Смольного, иногда — в Малом зале. Непосвященным напоминаю: здание, навсегда вошедшее в историю Октября, до революции принадлежало Институту благородных девиц. Заведовал нашими курсами тов. Смирнов, работник аппарата ЦК. Среди лекторов — В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, А. М. Коллонтай.

В Смольный мы приходили в 15.30. Тут же обедали в смольнинской столовой. В Петрограде с продуктами тогда было туго: осьмушка хлеба пополам с опилками, жиденький суп с одинокими перловыми крупинками, заправленный брюквой или селедочной головкой. Почти всегда полуголодные, мы испытывали еще больший голод на книги, знания. Преподава-

тели это чувствовали, тщательно готовились. Как правило, являлись на занятие без опозданий. Некоторые с такой педантичной точностью, что по ним можно было сверять часы. 8 января случилось необычное: лекция Председателя ВЦИКа началась с опозданием на 2 часа. Дважды приходил посыльный Якова Михайловича: просил не расходиться.

Причина опоздания оказалась более чем уважительной. Как информировал нас Я. М. Свердлов, днем на расширенном заседании ЦК с участием виднейших питерских работников партии обсуждались составленные накануне В. И. Лениным «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира».

— Вопрос тов. Лениным ставится так,— кратко изложил суть тезисов Яков Михайлович.— Быть или не быть миру — значит быть или не быть Советской власти... Положение крайне серьезное. Кайзеровские войска в трех-четырех переходах от Петрограда. Над республикой,— заключил свое сообщение Я. М. Свердлов,— нависла смертельная опасность.

Окрепшим голосом, видно, уже придя в себя после драматического голосования, Свердлов сообщил нам его результаты. 32 участника совещания высказались за лозунг «революционной войны», выдвинутый группой «левых коммунистов» во главе с Бухариным, 16 — за линию Троцкого, предложившего объявить состояние войны прекращенным, но мира не подписывать («Ни мира, ни войны»). Только 15 из 63 поддержали предложение Ленина: немедленное подписание мирного договора на предъявленных Германией условиях. Яков Михайлович добавил, что сам он голосовал за предложение Ленина.

— Надо смотреть правде в глаза. Не бояться правды, исходить из реального, действительного, а не желаемого. Только немедленный мир с Германией может спасти революцию.

То, что мы услышали, буквально нас потрясло, вызвало немалое замешательство. Против предложений В. И. Ленина голосовали [1] Дзержинский, Бокий [2], Урицкий. Их принципиальность, бесстрашие, кристальная честность, верность ленинскому знамени не вызывали никаких сомнений.

Давно уже ушел Я. М. Свердлов, а дебаты, вспыхнувшие стихийно, разгорались все с большей силой. Не помню, чтобы когда-либо раньше дискуссионные страсти на курсах достигали такого накала.

Только и слышно было:

— Германский солдат не пойдет в наступление. Он тоже хочет мира. Да и в самой Германии вот-вот вспыхнет революция.

— Революции не возникают ни по заказу, ни по желанию...

— Это еще как сказать... Я за революционную войну. Будем драться до последнего. Погибнем с честью и с высоко поднятым знаменем.

Читателя, очевидно, интересует тогдашняя позиция автора этих строк.

Мне в ту ночь было мучительно трудно и больно. С апреля 1917 года Владимир Ильич вошел в мою жизнь не только как вождь партии, с которой я, молодой рабочий с Нарвской заставы, связал свою судьбу, но и как очень дорогой, близкий мне человек. В течение многих недель (и каких недель!) я видел, слушал Ильича почти ежедневно.

Сердце, рассудок буквально разрывались между любовью к Ленину, верой в него, в его разум — и моим глубоким тогда убеждением в том, что германскому империализму уступать нельзя. Я вспоминал своих товарищей, путиловских рабочих, солдат, видел их решительные лица, горящие глаза, почти физически ощущал их готовность умереть за правое дело. «Неужели,— думалось,— с такими людьми надо идти на чудовищные уступки, неслыханные унижения?»

Мы разошлись далеко за полночь, каждый оставаясь при своем мнении.

...В один из дней первой половины января у нас на курсах должны были состояться занятия по группам. Утром заведующий курсами тов. Смирнов по телефону сообщил старостам групп — мне и Старку [1] — об изменениях в расписании. Со слов Смирнова мы узнали, что совместные занятия обеих групп состоятся в Малом зале. Проводить их будет В. И. Ленин. Смирнов просил нас, старост групп, предупредить всех слушателей.

Кому позвонили, кому передали лично. За несколько минут до начала занятий все уже были в сборе.

Решили так: раз Ленин проводит с нами занятия, надо как можно подробнее расспросить его, почему он так решительно выступает против революционной войны, почему предлагает заключить позорный, кабальный, унизительный договор с империалистической Германией?

Вопросов и желающих спрашивать оказалось так много, что мы пришли к выводу: всем спрашивать нельзя, время Ильича надо ценить. Сошлись на том, что с вопросами к товарищу Ленину обратятся старосты, предварительно собрав их по своим группам.

Перед самым началом занятий в зале появились сотрудники ЦК, Совнаркома. Владимир Ильич пришел вовремя. Поздоровался, положил папку на стол.

Несколько секунд длилась пауза: Владимир Ильич внимательно оглядел аудиторию и совершенно неожиданно для нас, словно угадав то, что происходило до его прихода, сказал:

— Товарищи, сегодня мы несколько изменим привычный ход нашей работы: начнем с ответов на вопросы, вас интересующие.

Я поймал на себе подбадривающие взгляды товарищей и первым поднялся с места. Подошел к столу. А язык онемел. Ни слова не могу вымолвить. Владимир Ильич приветливо кивнул, улыбнулся: смелее, дескать. А я совсем оплошал: как скажу Ленину, что не согласен с ним, с его тезисами.

Стал довольно сбивчиво пересказывать вопросы группы, но под конец не удержался и в крайне возбужденном состоянии произнес что-то вроде небольшой речи, примерно такого содержания:

Разве вы, Владимир Ильич, не верите в силу пролетариата, в его готовность умереть за революцию? А солдаты, матросы? Разве можно социалистической России заключать такой позорный мир с империалистической Германией?! У нас,— продолжал я запальчиво,— достаточно сил, энтузиазма не только на то, чтобы отразить наступление немцев. Мы еще поможем немецким пролетариям, нашим братьям по классу, свергнуть Вильгельма, установить Республику Советов.

Одним словом, более сумбурной речи мне не пришлось произнести за всю мою жизнь.

— Когда вы, товарищ Васильев, последний раз побывали на фронте?

---

[1] Вот как описывает этот момент в своих воспоминаниях Н. К. Крупская: «Ильич кончал заключительное слово, на него устремлены были враждебные взгляды товарищей. Ильич излагал свою точку зрения, явно потеряв всякую надежду убедить присутствующих. И сейчас слышится мне, каким безмерно усталым и горьким тоном он мне сказал, окончив доклад: «Ну, что же, пойдем!»

[2] Бокий Г. И.— член РСДРП с 1900 года, большевик, участник трех революций. С 1918 года на ответственной работе в Красной Армии и в органах ВЧК.

[1] Старк Л. Н.— член партии с 1905 года. Сын царского адмирала, активный участник трех революций, неоднократно сидел в тюрьмах, отбывал ссылку. После гражданской войны видный советский дипломат.

— В конце ноября, Владимир Ильич. Но разве это что-то меняет?

— Советую еще раз съездить. И безотлагательно.

Тут поднялся Старк. Вопросы изложил сдержанно, кратко, в том же примерно порядке, как они обсуждались в группе. Я слушал своего старшего друга со смешанным чувством восхищения (вот уж кто умел подчинять свои чувства разуму!) и стыда. Вовсе не потому, что считал себя неправым. Это пришло позже. Просто я получил наглядный урок: излишняя горячность, неумение владеть собой — плохие помощники в политике.

Старк сел. Наступила напряженная тишина.

Владимир Ильич сказал примерно следующее:

— Я думаю, вы все запаслись бумагой, карандашами. Прошу вас записать условия одной задачи. На границе нашей республики в настоящее время сосредоточено 159 дивизий австро-германского блока. Более полутора миллионов солдат и офицеров — хорошо обученных, вооруженных до зубов, готовых в любой момент выступить против Советской России. Что же мы можем противопоставить этой грозной мощи? Какую реальную силу представляет собой в настоящее время старая армия? Демобилизация, которая началась в ноябре, вышла из-под нашего контроля. Отдельные части группами, целыми эшелонами, с оружием и без оружия бросают фронт, уходят в тыл. Доведенная за три года империалистической войны до крайней степени истощения и усталости, дезорганизованная в боевом отношении, старая армия представляет собой почти нулевую величину. Таковы факты. Наконец, третье условие. По последним данным, в рядах Красной гвардии насчитывается 240 тысяч человек. Это беззаветно преданные, бесстрашные бойцы революции, которыми мы гордимся и будем гордиться. Но вооруженные чем и как попало, подчас плохо обученные, не знающие даже азбуки военного дела. Главная и, думается, посильная задача Красной гвардии в настоящий момент — охрана революции, борьба с контрреволюционными элементами. Наступление кайзеровской армии, безусловно, активизирует, вдохновит, приведет в движение силы внутренней реакции в Петрограде, в провинции. Послать всю Красную гвардию на фронт, оголить революционный тыл — смерти подобно. А теперь,— сказал в заключение Владимир Ильич,— хорошенько подумайте над только что приведенными фактами и постарайтесь сами ответить на главный вопрос, который вы мне сегодня задали: можем ли мы, учитывая реальное положение вещей, вести революционную войну? Сегодня? Завтра?

Такой ход Владимира Ильича был для нас, признаться, неожиданным. Поднялся К. А. Мехоношин — впоследствии член реввоенсоветов ряда фронтов Республики. Сказал, что только недавно побывал на фронте, привел факты полного развала армии. На станции Дно, куда были поданы составы поездов для увоза в тыл имущества, солдаты, отметая охрану, с оружием в руках штурмовали вагоны, облепляли буфера, крыши, приводя часто в полную негодность подвижной состав. Пушки нередко остаются без прислуги. Артиллерийские лошади доведены из-за отсутствия фуража до такого состояния, что годятся разве что на убой. Реальной боевой силы,— заключил Мехоношин,— у нас нет. Фронт обнажен, воевать мы не можем.

Затем выступили курсанты Федоров, Богун, Семенюк.

Справа от столика, за которым сидел Владимир Ильич, стояла, видно еще с институтских времен, нарядная этажерка, чем-то напоминающая трибуну. Один за другим мои товарищи подходили к «трибуне», становились спиной к ней, лицом к Ильичу и приводили многочисленные факты. Одни со все большей страстностью «доказывали» Ленину: революционная война в настоящих условиях обречена на поражение; единственный путь спасения Советской власти — мир. Выступили и противники мира. Ленин всех выслушивал с неистощимым трогательным терпением, стараясь, как мне казалось, ни жестом, ни выражением лица не оказывать давление на окружающих. Он напоминал учителя на экзамене, но учителя-товарища, друга, перед превосходством которого склоняешься не потому, что перед тобой и над тобой «человек власти», а в силу сознания, что он всегда поймет и, в свою очередь, искренне хочет быть понятым.

«Вот и решай свою задачу, товарищ Васильев. Разве для того,— думал я,— наши старшие товарищи, мой отец, дяди сидели в тюрьмах, шли на каторгу, разве для того тысячи рабочих, революционеров гибли на баррикадах, а партия в глубоком подполье собирала силы, готовила народ к решающей схватке, чтобы теперь все погубить? Нет и нет».

Так я и сказал, выступив вторично, добавив, что мало самому осознать правду, надо эту правду двинуть в массы.

Слушая курсантов, Владимир Ильич быстро писал что-то, изредка подавал одобрительные реплики, уточняющие вопросы. Я и раньше частенько наблюдал способность Ильича одновременно слушать, писать, говорить, сохраняя при этом предельную собранность. Но когда начинаю восстанавливать в памяти живые черты вождя, почему-то прежде всего вижу Ленина в Малом зале Смольного. Ловлю на себе цепкий, чуть иронический, все понимающий, подбадривающий взгляд, слышу слова о революционной фразе, которая может революцию погубить.

Под конец кто-то из курсантов высказал сомнение, разделявшееся многими нашими товарищами.

— А как же, товарищ Ленин, социалистическая революция в самой Германии? Заключая выгодный для империалистов мир, не наносим ли мы этим удар по германской революции?

Ленин живо, всем корпусом повернулся к выступающему, отметил, что вопрос архи-интересный, архи-важный, что он тоже думал об этом. Любители «левой» фразы говорят о мировой революции, клянутся мировой революцией, а сами временный престиж ставят выше существования Советской власти. Но ведь именно в этом, в самом факте существования Советской Социалистической России — залог победы грядущей мировой революции. Если мы на архи-тяжелых, действительно унизительных условиях все же добьемся мира, то этим покажем германскому пролетариату, пролетариям всех стран, кто действительно не на словах, а на деле выступает за мир, против империалистической бойни. Этим ускорим наступление революции в самой Германии. А революционная Германия, несомненно, освободит нас от кабальных условий. Такова,— заключил Владимир Ильич,— диалектика борьбы.

А на следующий день, часам к одиннадцати, нас — меня, Старка, зав. курсами Смирнова — пригласили к Владимиру Ильичу.

В кабинете мы застали Свердлова, Подвойского. Обсуждался вопрос о создании новой армии.

— Найдутся ли,— спросил нас Владимир Ильич,— среди слушателей курсов товарищи, которых можно немедленно направить на фронт в качестве комиссаров частей?

Тут же посоветовал тов. Смирнову внести изменения в программу курсов.

— Поменьше общих рассуждений, поближе к первоочередным задачам дня. Как сформировать на местах части Красной Армии, как организовать Советы.

Важно, чтобы курсанты реально представлял себе это.

Владимир Ильич советовался с нами, как с равными. Меня и Старка подробно расспрашивал о тех курсантах, чьи кандидатуры были названы Смирновым. Достаточно ли политически грамотны, чтобы вдали от центра разобраться в сложной обстановке, принять самостоятельные решения? Сумеют ли найти общий язык с солдатской массой?

Были и другие вопросы, все не помню.

О вчерашнем моем первом выступлении ни слова.

Мы приняли активное участие в обсуждении новой программы курсов.

Вскоре я забыл, что среди этих, очень уважаемых мною людей я самый младший, кое-кому по возрасту гожусь в сыновья. Таким товарищеским, начисто лишенным наставнического тона было отношение ко мне.

И теперь, на пороге своего восьмидесятилетия, оказываясь в молодежной аудитории, сам молодея душой от одного соприкосновения с бурной, кипучей, ищущей, увлекающейся юностью, я вспоминаю кабинет в Смольном, совещание «на равных», дружескую улыбку и энергичное рукопожатие Ильича.

СТАНЦИЯ ДНО

Вскоре дальнейший ход событий полностью подтвердил правоту Ленина. 18 февраля германские полчища вторглись в пределы Советской республики по всему фронту — от Балтийского до Черного моря. Старая армия начала беспорядочное отступление.

Вечером того же дня мне в составе группы из пяти человек во главе со Степаном Корчагиным, членом Петросовета, пришлось по личному распоряжению Подвойского срочно выехать на станцию Дно. Наша задача — приостановить демобилизацию армии, задержать эшелоны с демобилизованными солдатами, создать из вновь сформированных отрядов заслон против наступающих немецких частей.

В фильме «Красная площадь» (1-я серия) очень правдиво показана обстановка тех дней. Станции, забитые эшелонами демобилизованных, голодных, разъяренных людей, рвущихся домой. И против этой стихии, против бурлящего течения — горсточка большевистских комиссаров-агитаторов.

Примерно такую же картину мы застали на станции Дно. В полдень 19 февраля нам с трудом удалось задержать один эшелон. Паровоз мы отогнали. Что тут началось! Солдаты толпами хлынули из теплушек. Осадили здание вокзала, выбили стекла в комнате дежурного по станции. Угрожая винтовками, наганами, требовали немедленной отправки.

Подошел второй эшелон с демобилизованными. Повторилась та же история. Солдаты стали собираться на перроне. Железнодорожники по нашей просьбе прикатили две бочки из-под керосина, поставили одну на другую — и трибуна готова.

Я выступил первым, сообщил о наступлении немцев:

— Демобилизация временно приостанавливается. Есть решение ЦИКа о формировании вооруженных отрядов и полков.

Слушали меня, как мне казалось, внимательно. Мой внешний вид, как, впрочем, и Семенюка, вызывал доверие: мы были в шинелях, с георгиевскими крестами, нашивками о ранениях.

Но вот на трибуне-бочке появился руководитель нашей группы Корчагин. Он в офицерской фуражке, в добротной шинели. Настроение толпы сразу изменилось.

— Эх вы, дурачье, рты разинули! Что вы гадов слушаете?! Разве не видите: немецкие они шпионы! — крикнул кто-то из толпы хриплым, простуженным голосом.— А этот,— показал на Корчагина,— форменный господин офицер.

Одной реплики оказалось достаточно, чтобы наэлектризованная толпа вспыхнула, взорвалась:

— Бей их, сволочей!

— Добр волк до овец, да пасти ему не дадим!

— С офицерьем снюхались! А как же: ворон ворону глаз не выклюет!

— Сами клюнем. Расстрелять! В штаб Духонина! Судить гадов революционным солдатским судом!

Корчагина тут же стащили с трибуны. Я крикнул:

— Братцы, что вы делаете? Ну какой он офицер! Это же наш, путиловец!

Не тут-то было. Озверевшая толпа, уже не внимая рассудку, нахлынула, подхватила меня и Семенюка, смяла, сбила с ног.

В ход пошли кулаки, приклады.

— За что, братцы? — услышал я голос Петра Семенюка.— Мы же, черти, для вас жизни не жалеем, и вы нас убиваете!

Снова град ударов. Словно сквозь вату пробивается ко мне незнакомый зычный голос:

— Что вы делаете? Прекратить самосуд!

Пистолетные выстрелы в воздух и тот же, привыкший командовать голос: «Прекратить! Немедленно!»

Вскоре мы, окровавленные, в изорванном обмундировании, оказались под арестом в одной из комнат вокзала.

Толпа на платформе все еще продолжала бурлить. По доносившимся выкрикам мы поняли, что решаются два вопроса: как с нами поступить и где раздобыть паровоз.

Знакомый голос радостно воскликнул: «Вот они!» Тут и мы увидели Волокушина, Белихина — товарищей из нашей группы. Их, к счастью, по причинам, правда, непонятным, никто даже пальцем не тронул. С ними два пехотинца и один здоровенный детина, судя по отличиям, артиллерист. Последний спросил:

— Вы кто, большевики?

— Да,— ответил Корчагин.— Посланы Лениным, Центральным Комитетом, ЦИКом. Приказ Ленина: задерживать эшелоны, создавать заслон — немцы перешли в наступление!

— Да ну, правда? — переспросил артиллерист, но, видно, уже ни в чем не сомневаясь, побежал к митингующим солдатам.

Не прошло и минуты, как снова раздался его голос. За всю свою жизнь я слышал трех, нет, четырех, обладающих голосом такой мощи: Свердлов, Маяковский, Шаляпин и этот солдат-артиллерист.

— Товарищи! — рыкнул он так, что стекла зазвенели.— Что же мы делаем?! Вчера немцы перешли в наступление.

Толпа загудела:

— Вранье. Не посмеет немец. На всякую беду страху не напасешься.

Артиллерист продолжал, покрывая своим зычным голосом гул и крики толпы:

— Ленин прислал большевиков, чтобы они нам, дуракам, разъяснили, что происходит, как нам дальше быть: домой на печку к бабам разъезжаться или революцию от беды, от гибели боронить. А мы их, как шпионов, до полусмерти избили.

— Туды твою в бога Христа мать! — гаркнул пожилой солдат.— Кто кричал, что они шпионы? Ну-ка, паря, выходи на круг.

В ответ молчание. Охотников признаваться что-то не нашлось.

Нас немедленно и даже как-то торжественно освободили. Уже без конвоя, скорее в сопровождении почетного караула из доброго десятка активистов мы снова попали на митинг.

Корчагин, выступая второй раз, ни словом не обмолвился об инциденте, чуть не стоившем ему и всей нашей группе жизни, рассказал о немецком наступлении. Напомнил:

— Перед лицом смертельной опасности нужны дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина. На повестке дня теперь может стоять только один вопрос: как остановить армию кайзера, спасти революцию?

Не прошло и часа, как на перроне выстроился готовый к отправке на фронт сводный (из двух эшелонов) революционный отряд. Тут же избрали командира, а комиссаром — Корчагина. Под вечер отряд убыл в сторону Пскова.

Вместе с Корчагиным на фронт ехали наши товарищи — Волокушин и Белихин. Мне и Семенюку Корчагин предложил немедленно возвратиться в Петроград, доложить обстановку.

20 февраля старшие групп собрались у Н. И. Подвойского. Тут я встретил своих старых друзей по предоктябрьским и октябрьским боям. Помню С. Я. Аллилуева — электрика, А. М. Любовича — солдата Кексгольмского полка, О. П. Дзениса — из Павловского, Я. М. Рудника — из Финляндского.

Никто никаких докладов не делал. Ограничились короткими сообщениями о том, что и на какой станции произошло. Подвойский ненадолго удалился, а возвратившись, сказал, что всех нас приглашает на беседу Владимир Ильич. В кабинете мы застали Свердлова, Дзержинского, заведующего нашими курсами Смирнова. Владимир Ильич показался мне крайне уставшим. Видно, сказывались бессонные ночи, огромное нервное напряжение. Каждый из нас, представляясь, называл станцию, на которую был командирован. Звучало это примерно так: «Васильев. Прибыл со станции Дно».

Николай Ильич Подвойский сделал краткий обзор положения на фронте. Остановился на том, сколько и на каких станциях задержано эшелонов с солдатами, где именно удалось сформировать революционные отряды. По памяти назвал командиров и комиссаров вновь созданных отрядов, среди них и нашего Корчагина. Владимир Ильич что-то записывал, по ходу докладов задавал уточняющие вопросы. В первую очередь его интересовало настроение солдат. Когда я сказал, что толпа на станции Дно, по всей вероятности, находилась под влиянием анархистов, он тут же возразил:

— А не преувеличиваете, товарищ Васильев, роль и влияние анархистов? Дело, думается, не в них, а в общем настроении уставших, да, да, смертельно уставших от войны солдат. Человек с ружьем в массе своей еще не разобрался до конца, что и как надо защищать. Неразбериху, сумятицу враги используют по-своему,— продолжал Ильич.— И не только анархисты, но и переодетые офицеры, агенты контрреволюции.

Спросил о численности отряда, сформированного на станции Дно. Я сказал:

— Что-то около девятисот штыков.

— Нельзя ли,— услышал я в ответ,— поточнее? Нам нужна абсолютно точная информация.

Владимир Ильич внимательно выслушал всех товарищей.

— Положение,— подвел он итоги краткому совещанию,— крайне опасное.— Задержать продвижение немецких частей, разбить их передовые силы —в этом сейчас главная задача. Нам нужны командиры, отлично знающие военное дело. Этим придется заняться, и незамедлительно, товарищам Работенко, Хозенису, Васильеву. Отправляйтесь,— сказал нам в напутствие Владимир Ильич,— в надежные революционные полки: Волынский, Павловский, Измайловский, подберите среди унтер-офицеров, прапорщиков, пользующихся доверием солдат, будущих красных командиров. Передайте им от имени Советской власти: революция на них надеется, ждет.

НА X СЪЕЗДЕ

История еще одной фотографии

...На ступеньках и прямо на земле, кто стоя, кто сидя, в шинелях, полушубках, пальто, в буденовках и сибирских папахах расположилась группа людей. Те, кто на самом переднем плане, устроились полулежа, будто отдыхают после боя. В центре снимка — Ильич, в зимнем пальто с каракулевым шалевым воротником, в шапке-ушанке.

...В. И. Ленин среди делегатов X съезда партии — участников штурма Кронштадта. Это фото, думается, многим из вас знакомо. Мне оно напоминает мою последнюю встречу с Владимиром Ильичем.

...Три года — с марта 1918 по март 1921 года я не видел Ленина. Сразу после окончания VII съезда партии ЦК и Советское правительство переехали в Москву. Я тогда остался в Петрограде. Получив новое назначение, занялся в конце марта, по личному поручению Н. И. Подвойского, формированием 2-го Петроградского отряда. Решением Петроградского комитета партии к нам были направлены 14 коммунистов, 100 членов социалистического Союза молодежи. Боевым ядром отряда стали рабочие Путиловского, Обуховского заводов, завода «Розенкранц» и 40 революционных матросов.

В начале июля 1918 года отряд в срочном порядке был переброшен на Восточный фронт, а 22 июля белочехи, перейдя в наступление, захватили Симбирск. Пала Казань. Мы с тяжелыми боями пробивались в Инзу, где находился штаб Тухачевского — командарма 1-й армии. По его распоряжению влились в 24-ю дивизию под командованием Гая. Вскоре наш отряд переименовали во 2-й Петроградский полк, впоследствии 1-й Нарвский, которым я командовал почти до окончания гражданской войны.

В составе 24-й (Железной) дивизии наш полк участвовал в освобождении Симбирска.

«Дорогой Владимир Ильич,— говорилось в посланной Ильичу телеграмме.— Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара».

Далеко за Симбирском мы зачитывали перед строем ответ выздоравливающего Ильича бойцам и командирам 1-й армии: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Радости, воодушевлению бойцов не было границ.

В конце февраля 1919 года прошли выборы на VIII съезд партии. Я был избран делегатом съезда, но поездку пришлось отменить: обстановка на фронте усложнилась. Колчак, поддержанный англичанами, японцами, перешел в наступление. И снова бои...

В мае 1920 года, в канун наступления белополяков, меня перевели на политическую работу. В начале 1921 года был назначен комиссаром 85-й бригады. Но сказались старые раны. В феврале 1921 года попал на излечение в Центральный Московский воен-

ный госпиталь. Вышел оттуда в марте, за три дня до начала X съезда партии.

8 марта, в день открытия съезда, я с гостевым билетом пришел в зал заседаний задолго до начала, надеясь встретить знакомых по Питеру, по Восточному фронту. Первый, кого я увидел, был Иван Конев. Мы хорошо знали друг друга по Омску и Новосибирску. Будущий маршал одно время командовал бронепоездом, затем был назначен комиссаром ЧОН — частей особого назначения — по Сибири. Конев мне обрадовался, сразу же заговорил о мятеже в Кронштадте.

— Дело нешутейное. Тянуть никак нельзя. Наш сибирский опыт тоже чего-нибудь да стоит. Надо подавить мятеж в зародыше, пока он только дымит и чадит, а разгорится — тушить будет труднее. Чует мое сердце, Василий, быть нам с тобой в Питере.

Как в воду глядел.

Во время перерыва я встретил и некоторых других знакомых по Омску — командира 30-й дивизии Кожевникова, комдива нашей 29-й — Спильниченко, секретаря парткомиссии 29-й дивизии Володю Шовкунова. Не было лишь делегатов из Питера. Их приезду помешали события в Кронштадте. О мятеже много говорилось в кулуарах съезда, в кремлевской столовой, где обедали делегаты и гости. Я с нетерпением ждал, что скажет о Кронштадте Владимир Ильич.

На первый взгляд могло показаться: Кронштадту в отчетном докладе уделено мало места. А. Коллонтай на второй день даже бросила реплику: «Доклад Ленина обошел Кронштадт».

Но это было не так. «Я все подвел к урокам Кронштадта, все от начала до конца»,— ответил на эту реплику Владимир Ильич в своем заключительном слове по отчету и был прав.

Просто Ленин, очевидно, не считал нужным останавливаться в отчетном докладе съезду на военных задачах в Кронштадте, выразив, однако, уверенность, что мятеж будет подавлен не сегодня — завтра.

«Я не имею еще последних новостей из Кронштадта, но не сомневаюсь, что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы».

В незамедлительном разгроме мятежа он видел задачу, безусловно, важную, но частного, тактического характера. Зато уроки мятежа приобретали общепартийное, общегосударственное значение.

«...Нам,— говорил Владимир Ильич,— необходимо взвесить обстоятельно политические и экономические уроки этого события».

Политические и экономические уроки для будущего... Уроки, определяющие задачи партии и помогающие избегать трагических для революции ошибок, локализовать последствия ошибок, уже допущенных.

Слушая Ильича, я невольно вспоминал драматические события последних месяцев в Сибири. В конце 20-го года вспыхнули кулацкие восстания на Алтае. Очаги контрреволюционного мятежа вскоре перекинулись в Барнаул. Восставшие отлично знали местность, умело скрывались от преследования в бескрайних сибирских лесах. Дрались весьма искусно, по всем правилам партизанской войны.

Увы, это отнюдь не было простой случайностью. По данным нашей разведки, что вскоре подтвердилось показаниями пленных, среди восставших оказалось немало бывших партизан Мамонтова.

Однофамилец белогвардейского генерала, наш, сибирский, красный Мамонтов командовал партизанской армией. Мамонтовцы в свое время изрядно потрепали колчаковские тылы. Сам Мамонтов, врож-

денный партизанский вожак, но человек малограмотный, в 20-м году командовал бригадой на польском фронте. И вот полная неожиданность: средн мятежинков, в кулацких бандах недавние мамоитовцы, красиые партизаны н даже красноармейцы, демобилизованные с польского фронта.

Вспомнился разговор в Калманке, большом сибирском селе, с таким вот бывшим красноармейцем, захваченным нами в плен.

Борода, как смоль, черная. Черты лица крупные. Глаза в отличне от других не опускал. От взгляда моего не отворачивался. Сам из местных казаков, хозяйство середняцкое. В партизаны ушел добровольно. Был красным — стал «зеленым».

— Как же,— спрашиваю,— дошел до такой жизнн?

— А вот так, гражданин-товарищ комиссар... С Колчаком нам с самого начала не по пути было. Колчак за царя. А нам царь — к Феньке. Колчак старое хотел возвериуть, помещика, баикира. Скажи, мил человек, к чему мие, хлеборобу, зтн кровопийцы? Колчак Россию продавал оптом и в розницу. Как же терпеть такое русскому человеку? Поэтому в партизаны пошел. И не жалею. И иа польском фронте в кусты не прятался. Про то может тебе ответствовать наш дорогой командир товарищ Мамоитов. ...Ну, побили мы паиов, потом нам от их досталось. Приезжаю, значит, домой. И что я вижу? Хлеб коммунисты, продотрядчики забирают. Подчнстую. Как была продразверстка, так н осталось. Спичек нет, соли нет, керосина нет. Нн ситца завалящего, ни железа. Что же зто,— думаю,— за власть такая? Рабоче-крестьянская, а все у мужика забирает. А тут разные людишки появнлись. Стали мутить воду супротив Советской власти. Ну н, был грех, попался на крючок. Сам наплутал — черт попутал. Теперь понимаю, по глупости. И нет мне, бывшему красному партизану и бойцу, прощения. Но н ты, гражданин-товарищ комиссар, властям передай: мужику прн продразверстке, как рыбе подо льдом прн большой задухе. В самый раз лунку пробивать. Дай мужику глотнуть свободно. Хлеб бери, но в меру. А за хлеб н другой продукт дай, разный инвентарь. Обуй и одень. Мужик власть признает, восставать ие будет.

Владимир Ильич словно подслушал наш нелегкий разговор в Калманке. Крестьянство продразверсткой недовольно. Дальше так существовать, тем более сотрудничать с Советской властью не хочет. Никаких обманов, пустых обещаний. Классы обмануть нельзя. «Все дело в том, чтобы дать крестьянам стимул, побудитель с точки зрения зкономики. Нужно сказать мелкому хозяину: «Ты, хозяин, производи продукты, а государство берет минимальный налог».

Ильич вновь и вновь возвращался к одной и той же мысли: из всех контрреволюций — мелкобуржуазная, анархическая наиболее опасна. Любые попытки «чуть изменить», «поправить Советскую власть» ведут к реставрации власти помещиков, капиталистов.

Далеко вперед смотрел Ильич в те мартовские дни с трибуны X съезда. Знакомый, с картавинкой голос звучал бодро, уверенно.

В который раз я видел и слушал Ленина в решительный момент, когда приходилось резко, на 180 градусов менять курс корабля, принимать решения, от которых зависела дальнейшая судьба революции.

...Апрельские тезисы. Брестский мир... Теперь предстояло опять совершить крутой поворот — вот он, урок Кронштадта! — от военного коммунизма, продразверстки — к продналогу, к новой зкономической политике.

И, как уже случалось не раз, новый курс, предложенный Лениным, был настолько смел, настолько ломал уже привычное представление, что вызвал н горячее одобрение и ожесточенные споры, недоумение однux, яростное сопротивление других.

...Прошло два дня. Я было уже окончательно решился, поборов робость, обязательно, как только кончится утреннее заседание, подойти к товарищу Ленину. Однако ночью в наш номер (меня пригласили к себе делегаты Сибири) неожиданно явился старейшина группы, рассказал о только что закончившейся беседе с Ильичем.

— Принято решение послать часть делегатов съезда в район Кронштадта, поднять боевой дух в полках, готовящихся штурмом брать крепость, сцементировать зти полки. Такую задачу поставил Ленин. Записываются добровольцы, в первую очередь армейские делегаты с военным опытом.

Все рвались в бой. Я все боялся, что не окажусь в списке из-за своего гостевого билета.

Но кандидатура моя ни у кого возражений не вызвала. Несколько часов спустя мы уже сидели в вагонах. К вечеру оказались в Ораниенбауме, где сосредоточивались штурмовые войска.

Началось распределение по частям. Прославленные командармы, комкоры шли в бой командирами полков и батальонов. Конев стал рядовым политбойцом. Меня назначили комиссаром-«дублером» в 32-ю бригаду Рейснера сводной дивизии Дыбенко.

«Нас бросала молодость на кронштадтский лед»... Только теперь, через годы-десятилетия, с высоты прожитого осознаешь по-настоящему, что произошло. Старый солдат, участник трех войн, многих сражений, вновь и вновь вижу ночь штурма. Тысячи бойцов в белых маскхалатах движутся по льду залива. Ни холмика, ни окопа, ни кочки, за которыми можно было бы укрыться от огневого смерча, от холодных, слепящих лучей прожекторов. Только лед да лед, сверкающий, гладкий... Черные полыньи от снарядов, присыпанные снежком тела павших красноармейцев.

Я видел, как Климент Ефремович Ворошилов, в полушубке, высокой папахе с красной звездочкой, бежал впереди цепи. Рядом мелькнуло знакомое лицо Яна Фабрициуса. Ворошилов первым вступил иа берег. Крикнул: «Сволочи! Предатели революции! Как вам не стыдно! Сдавайтесь! Вперед, товарищи!»

Поредели наши ряды. Из Москвы нас выехало человек триста. Вернулось меньше. Среди раненых оказался н девятнадцатилетний Александр Фадеев, комиссар партизанской бригады, будущий автор «Разгрома», «Молодой гвардии». На кронштадтском льду остался мой друг Коля Егоров.

Мятеж был подавлен в ночь на 18 марта. Съезд окончил свою работу двумя днями раньше.

И вот мы снова в Кремле, в знакомом зале Революционного трибунала. Больше двух часов беседовал с нами Владимир Ильич, информируя о том, что в наше отсутствие происходило иа съезде. Потом, перечитывая материалы исторического съезда, определившего на долгие годы пути развития революции, нашего государства, я не раз восхищался умением Ильича немногими словами сказать о многом. Отпадала шелуха, обнажалось ядро, и каждому из нас как бы предоставлялась возможность пощупать истину, взвесить все «за» н «против».

Мы выслушали информацию с огромным вниманием. Тут нас ждал еще один сюрприз. Кто-то объявил: «У выхода из здания вас ждет фотограф».

Каждому, естественно, хотелось встать поближе к вождю. Я оказался почти в одном ряду с Ворошиловым, четвертым слева. А вот Яну Фабрициусу, храбрейшему среди храбрых, не повезло. Он так и остался в крайнем ряду, прижатым к стене.

...Удивительный снимок... Оригинал (здесь только его фрагмент) представляет большую композицию,

включающую свыше ста трндцати человек. Подвигов каждого из них хватило бы не иа одну книгу.

Вот Тевосяи, друг Серго, заместитель наркома, затем нарком, министр. Это под его руководством в годы Великой Отечественой войны, случалось, прямо с коивейера, из цеха уходнли в бой «трндцатьчетверки». Вот Постышев — впоследствии видиый партийный н государственный деятель. Узнаю Невского, моего учителя и иаставиика по предоктябрьским дням. Прямо в объектив смотрнт Иван Конев — в течение ряда лет нас связывала крепкая дружба. Узиаю и Павла Дыбенко, боевого командира нашей сводной дивизни под Кронштадтом. Не людн—кремень.

Стоят плечом к плечу, крепко сплотившись вокруг своего вождя, сибирякн, волжане, москвичи, пнтерцы, уральцы и кавказцы, люди из разиых мест, разиых иациоиальностей. Стоят всем смертям назло... Жнвое, зримое олицетворение интернационального братства, товарищеского единства, взаимопонимаиия.

Теперь вспомииаю: уже вечерело, когда мы собирались у здаиия ВЦИКа. Накрапывал дождик. Ждали фотографа — это, как я иедавно узнал, был московский фоторепортер Л. Я. Леонидов.

Только диву даешься, как ему удалось — времени в обрез — до заката солица расставнть иас всех, сохраняя единство ансамбля и индивидуальиость, своеобразие, живость и непринужденность отдельных групп. Десяток разнообразнейших вариантов уникальной по многофнгурности композицин — все посвоему интересиы, ио центром, магнитом, объединяющнм, сплачивающим этих людей, остается Ильич.

Только что отшумели грозы трудиого, воистину исторического съезда, приняты решеиия, на долгие годы определяющие судьбы партии, государства. Преодолена реальиая опасность раскола виутри партии, отвоеваио единство. Из тяжелых испытаиий, суровых битв партия вышла еще более сплоченией. Дорогой ценой завоеваиа победа, и отблеск ее падает иа лица людей, сплотившихся вокруг Ильича.

Посмотрите еще раз на снимок.

Рядом с Ильичем — молодой красиоармеец в островерхом буденновском шлеме. Два ордена Красного Знамени прикреплены прямо поверх шинели. Рука на перевязи. Голова н шея забинтованы. А глаза и все лицо юноши так и светятся улыбкой, гордой радостью: рядом Ильич.

Фоторепортер Л. Я. Леонидов, которому так повезло в этот деиь, вспомииает: через шесть миут (после телефоииого звонка: «Приезжайте снимать») я был в Кремле, иа лестнице здания ВЦИКа. Вижу: среди людей в шинелях стоит Владимир Ильич и ласково заглядывает в лицо какому-то молодому бойцу, сплошь перевязанному бинтами.

Мне лично хорошо известен юиый герой, замеченный Лениным среди других участников подавления кронштадтского мятежа. На снимке он рядовой красиоармеец. Три года спустя мы встретились с иим в одной из аудиторий Академии Генштаба РККА (впоследствии Академии имени Фрунзе).

Рафаил Павлович Хмельницкий — а это был ои — стал по рекомендации К. Е. Ворошилова слушателем академии за год до моего приезда в Москву и считался уже старожилом. Он помог мне освоиться на новом месте, устроить иеотложные личные дела.

Мы довольно часто встречались с 1924 по 1927 год. Встречались и по партийиым делам, в парткоме, на собраниях, конфереициях. На втором году учебы я был избраи секретарем объединеииого парткома четырех академий (Академии имени Фрунзе, Высших академических курсов, Хозяйствеииой Академии имени Плеханова н Восточного факультета).

Вспомииали мы не раз кронштадтский лед, мартовский день в Кремле, фотографирование.

— Я,— рассказывал Хмельницкий,— стоял с краю собравшейся группы. Хотелось встать поближе к Лениину, ио разве пробьешься с подвязаниой рукой? Свежие бинты, очевидно, бросились в глаза Владимиру Ильичу. Спросил у Климента Ефремовича: «Кто это стоит раненый?» «Мой секретарь Хмельницкий»,— ответил Ворошилов. Владимир Ильич подошел ко мне. Бережно, чтобы не потревожить руку, обнял за правое плечо, поинтересовался, сколько мне лет, когда вступил в партию, где воевал. Где и при каких обстоятельствах ранило. Спросил: страшно ли было наступать. По-настоящему, говорю, Владимир Ильич, страшно было перед иачалом движения по льду Маркизовой лужи. Вряд ли кто наступал в таких условиях, когда перед тобой гладкое ледяное поле, где ни зарыться, ни залечь. Сказал, что все мы понимали: обратного пути нет. Мы думали только о победе. Ильич улыбнулся: «Правильно думали». Направляясь на прежиее место, пригласил встать рядом.

Самой дорогой иаградой запомнилась моему боевому другу ленинская доброта, вниманне.

Много лет спустя — кажется, в 1952 году,— мы снова встретились в Москве, в фойе Большого театра. И снова было что вспомнить двум боевым генералам, участникам кронштадтской эпопеи, Великой Отечественной войны. На фронте генерал-лейтенант Хмельницкий командовал дивизией, корпусом. Его имя неоднократно называлось в победных приказах Верховного Главнокомандующего. Внешне он заметно изменился. Раздался в плечах, располнел. Донимали ранения, болезни. Но заговорили, вспомнили — глаза старого друга вспыхнули молодым огнем, загорелись радостью, и он снова иа мгновение стал тем, прежним юным красноармейцем, «счастливчиком Хмельницким» — таким, каким запечатлел его фотограф.

Два снимка передо мною, двумя датами отмеченные: 4 апреля 1917, 22 марта 1921 года.

Между ними незабываемые весна и лето 17-го года, дни Октября, встречи и беседы с Лениным, его уроки, станция Дно, взятие Симбирска и Казани — бои, события, люди. А впереди годы, порой равные десятилетиям, и сорок лет в армейском строю. После академии — Среднеазиатский военный округ. Боевые операции против басмачей. С полком и придаиными отрядами я принимал участие в ликвидации банд Ибрагим-бека, Курджуры, за что награжден ордеиом Красного Знамени Узбекской ССР.

Потом был Афганистан, где я на посту военного атташе сменил Виталия Примакова — легендарного командира Красного казачества. А в дни Великой Отечественной — бои под Корсунь-Шевченковским, Карпаты, освобождение Чехословакии.

Всюду, куда забрасывали меня судьба кадрового военного и долг коммуниста, я носил в сердце своем память о встречах с Ильичем. Так было в дни радости и в горькие, особо трудные для меня годы.

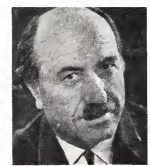
Ленин... Когда становилось совсем невмоготу, одно это имя согревало, вновь и вновь будило надежду, веру в торжество нашего справедливого дела, в чистоту знамени революции.

И теперь, когда я смотрю на снимки, на знакомые лица, до мельчайших подробностей восстанавливаются далекие дни в Кремле. Вижу улыбку Ильича, слышу его голос.

Литературная запись Б. ХАНДРОСА

Кайсын Кулиев

✪

«На Бичесынской стороне[1] темно,
В Баксане снег идет, не утихая»,—
Поет мне женщина из Карачая
Ту песню, что я знал давным-давно.

«На Бичесынской стороне темно»,—
Поет красавица из Карачая,
В который раз все то напоминая,
Что пережить мне было суждено.

«Темно на Бичесынской стороне»,—
Поет красавица из Карачая,
Мои былые раны обнажая,
Забыть былое не давая мне.

Не эту ль песню слышал я тогда!
А нынче женщина из Карачая
Поет ее печально, возвращая
То, что ушло, казалось, навсегда.

От этих полупозабытых слов
Я вспоминаю степи и метели,
Мой скудный хлеб и мой холодный кров,
Огонь в печи, горящий еле-еле...

Пой, женщина, своди меня с ума,
Буди недобрые воспоминанья!
И пусть хоть в песне той пройдет зима,
И от охотников спасутся лани!

«На Бичесынской стороне темно» —
Пой мне, красавица из Карачая,
А то я стал черствее, забывая
Все, что уже прошло давным-давно...

✪

Если девушка, встретясь со мной,
Скажет: «Здравствуй!» и будет мне рада,
Мне удачи не надо иной,
Мне для счастья немногое надо.

Если, встретив меня, человек
Просто скажет мне доброе слово,
Может статься, для счастья вовек
Ничего мне не надо иного.

---

[1] Местность в Кабардино-Балкарии.

✪

Судьба, прошу, не пожалей добра,
Терпима будь, а значит, будь добра,
Храни ее и под своей рукою
Дай счастье ей, а значит, дай покоя
Той женщине, которую люблю.

Дай знать ей, где друзья, а где враги,
И от морщин ее убереги,
Не дай пресытиться любимым делом,
Не дай отяжелеть душой и телом
Той женщине, которую люблю.

Обереги от порчи, от изъяна
Рук красоту ее и легкость стана,
Обереги ее от всякой боли,
От старости храни как можно доле
Ту женщину, которую люблю.

Из всех щедрот, из всех невзгод земли
Добро приблизь, иное отдали,
Дай силы и возможность без предела
Жить по добру, благое делать дело
Той женщине, которую люблю.

Пусть будет наш остаток — путь недальний,
Не столько долгий, сколько беспечальный,
Ты сбереги тепло огня и крова,
Любовь мою до часа рокового
К той женщине, которую люблю.

Не приведи, судьба, на склоне дней
Ей пережить родных своих детей,
И если бед не избежать на свете,
Пошли их мне, не ей самой, не детям
Той женщины, которую люблю!..

✪

И я, по молодости лет,
Когда-то песни пел беспечно,
Считал и я, что счастье вечно,
А горя в мире вовсе нет.

На голубое глядя небо,
Из родников я воду пил
И, не вкусив сухого хлеба,
Я свежесть хлеба не ценил.

Вполне осознанно и мудро,
Сегодня так же, как тогда,
Я повторяю: «Здравствуй, утро!»,
И «Здравствуй, чистая вода!»,

И «Здравствуй, небо, луг с травою!»,
И «Здравствуй, хлеб, что мы едим,
Хоть я и знаю: ты порою
Бываешь черствым и скупым!»

И мудрый, зная жизни цену,
Твержу я: «Здравствуй наперед,
Та молодость, что мне на смену
В своей немудрости идет!»

Из песен слепого ашуга

1

Небо, звезды, человечьи лица —
Я, Сафи, не вижу ничего!
Но шуршанье платья твоего,
Словно шум крыла взлетевшей птицы.

Ехала я в Калининградскую область с некоторым опасением, боялась, что может получиться так же: разочаруются ребята, не найдут своего места и будут жалеть о том, что поспешили.

Но, поговорив с директором совхоза М К. Бородиным, познакомившись с автором письма и ее подругами (а все они — почти мои ровесники), подумала, что здесь о случайности говорить не придется.

Настоящую привязанность к земле, уважение к сельскому труду привили им школа, совхоз, комсомольская организация.

С восьмого класса ребята работали в производственно-ученических бригадах на опытном поле, ухаживали за животными, изучали технику. Причем совхоз давал для практики новые машины, а не развалюхи — знали, затраты окупятся.

Все зто исподволь и подготовило решение ребят. Они поняли, осознали свою нужность и приняли твердое решение.

Их решение было самостоятельным. Сами решили остаться в селе, сами обратились через газету к выпускникам области с предложением поработать после школы в своих совхозах и колхозах. Развернули такую деятельность, что и взрослым пришлось побеспокоиться.

«Ну и работу задали нам ребята — уж зти их почины!» — с плохо скрытой гордостью сказал Виктор Казенов, первый ссКретарь Славского райкома комсомола.

Ребята действительно по-взрослому поняли нужды своего хозяйства. К ним впрямую можно отнести слова Леонида Ильича Брежнева, обращенные к участникам слета выпускников школ Костромской области, изъявившим желание работать в сельскохозяйственном производстве: «Теперь от результатов вашего труда во многом зависит достаток народа, богатство страны».

Когда я приехала в село Прохладное, было пять часов вечера — вечерняя дойка.

Недавно прошел дождь, и на выгоне чавкала грязь. Мне немного страшновато было в зтом «коровьем царстве», а девчонки хоть бы что. Весело похлопывая своих подопечных по бокам, загоняли их в станки. Все делали быстро, ловко, так, как будто уже давно работают на ферме.

Труднее было познакомиться с мальчишками, которые работали на тракторах, убирали сено. Чумазые, счастливые тем, что им доверили машины, они говорили со мной мимоходом, в перерывах между рейсами. Говорили сдержанно — как будто не произошло никаких перемен в их жизни. Они давно были готовы к своему выбору. Тракторист Леня Сергеев обосновал его так:

— У нас в совхозе есть еще старые фермы, где труд тяжел, но если мы уедем туда, где работать легче, кто же здесь сделает зто дело за нас?

Вечером приехал директор совхоза, расспрашивал, как прошел трудовой день, не было ли каких неполадок с техникой.

Понятно, что при заботливом отношении руководства совхоза, ребятам вряд ли придется жалеть о потраченнсм времени — ведь здесь они могут присмотреться к настоящей трудовой жизни, научиться работать в большом коллективе.

В зтом году многие мальчишки и девчонки из бывшего 10-го «а» будут заниматься на подготовительных курсах, а в следующем те, кто захочет, пойдут по рекомендации совхоза учиться в сельскохозяйственные вузы и, естественно, вернутся в свое село уже специалистами.

В таком хозяйстве, в таком коллективе у ребят есть возможность выбрать целью своей жизни настоящее дело.

Вскоре после моей поездки в редакцию пришло письмо из Саратова от десятиклассника Гены Тернопольского.

Он рассказывает о том, как вместе с классом работал на уборке урожая: «...И знаете, со мной случилось чудо — я, коренной городской житель, влюбился в деревню. Возможно, зто звучит напыщенно, но зто так. У меня просто дух захватывает, когда смотрю на поля. Конечно, мы не смотрели, а работали: пололи свеклу, капусту, дергали, вязали в пучки морковь и редиску. Выполнять норму было трудно. но все равно приятно, оглянувшись, увидеть за собой чистое, обработанное поле. Или вяжу пучки, а сам представляю, как женщины в магазине их будут перебирать. искать, какой получше.

Запомнилось выступление старшего агронома. Он рассказал, как нужны люди в сельском хозяйстве, приглашал работать. В общем, хочу после школы поехать в село.

А что делать с родителями? Когда сказал им о своем намерении, то их чуть инфаркт не хватил. И отец и мать у меня с высшим образованием, папа даже доцент, а тут сын будет механизатором. В крайнем случае, они согласятся на Тимирязевскую академию. Ну и мальчишки в классе подняли меня на смех, решили. что все зто несерьезно.

Что же делать с родителями и с друзьями? Сейчас ведь многие ребята после школы остаются работать в совхозе. Они, так же как я, привязались к селу.

Расскажите о них, быть может, тогда родители и друзья поймут меня».

В выборе профессии, жизненного пути для кого-то главным ориентиром оказывается мода, советы товарищей, традиции семьи. В решении же других проявляется собственный вкус, свое понимание общественной необходимости.

Наверное, рассказ о прохладненских ребятах будет ответом и Гене Тернопольскому и другим ребятам-горожанам, которых привлекает сельский труд.

А. ПУГАЧ

«СТРЕМЯСЬ ДУШОЮ ВВЫСЬ...»

С этого номера мы вводим новую рубрику — «Твой ровесник». Это разговор о молодых авторах написанных и ненаписанных книг, картин, песен; о судьбах, запечатлевших типические черты советской жизни 20-х — 70-х годов нашего века; о творческих судьбах людей разных национальностей, чей пример — даже если жизнь их оборвалась — остается ярким светом чистой совести, гражданского подвига, красиво прожитых дней.

Читатель! В рубрике «Жизнь — песня» мы писали о Мусе Джалиле, Оскаре Лещинском, Эйжене Веверисе и других писателях, проявивших героизм и личное бесстрашие в исключительных обстоятельствах. Но есть судьбы, есть художники, которые и в обыденных условиях своим духовным горением, прекрасным озарением души, бескорыстием и благородством служения людям заслуживают памяти потомков. Им и посвящаем мы нашу новую рубрику.

Удивительное поколение!

«Я должен чувствовать свое движение... Я должен чувствовать свой рост, свой бег, чувствовать ветер времени, свистящий вокруг меня, бьющий меня, сваливающий меня с ног, обессиливающий, возбуждающий и неизбежный... Так хочу я жить — задыхаясь, сложно, тяжело, порывисто, неровно, глубоко, стремительно, крупно.

Да, так хочу жить я, так буду жить я».

И стихи:

Мы горели,
порой забывая о личном,
Потому что
величье
твое и мое
Лишь в общей победе,
лишь в общем величье
Мы открываем
и познаем.

Василий Кубанев, которому принадлежат эти строки, ушел добровольцем на фронт Великой Отечественной войны в первый же день ее. Он не успел совершить воинского подвига. В 1942 году В. Кубанев умер от тяжелой болезни...

Но этот юноша относится к числу тех мальчиков тридцатых годов, которые обнаженным чувством, чистым сердцем и ясным взором вбирали в себя великие понятия нашего века: марксизм, революция, коммунизм, братство, равенство и свобода. Души их были воспламенены ярким и ярым пламенем Октября. Эмоции их были искренни, энтузиазм — бескорыстен, вера — сильна до наивности, порывы — пламенны, желания — возвышенны, гуманизм — всечеловечен, масштабы мышления — мировые.

«Многие из тех, кому сегодня пятьдесят... в свое время всеми правдами и неправдами прибавляли себе год, а то и два-три, чтобы быстрее попасть на завод, поступить на рабфак, в аэроклуб, в Красную Армию. Молодежь... составляла основную массу бойцов Вооруженных Сил, встретивших грудью вражеские орды в июне 1941 года»,— это свидетельство очевидца жизни В. Кубанева и его сверстника Б. Стукалина. И еще: «Бесстрастная статистика свидетельствует: граждан рождения 1920—1924 годов насчитывается ныне меньше, чем любых других «соседних» возрастных групп...»

Удивительное поколение!

Сегодня с дистанции лет поэзия В. Кубанева, быть может, не воспринимается как явление яркое и самобытное. К тому же дневники его, письма и статьи[1] порою более глубоко отражают время. Нас в первую очередь интересует личность. Ее особость. Потому что в ней, через нее отразилась эпоха, система ценностей, которую мы, люди семидесятых, наследуем, продолжаем, развиваем.

Василий Кубанев торопился жить и чувствовать спешил, торопился впечатать свой шаг во всеобщий марш энтузиастов. «Радостное нетерпение вечно мучило меня»,— записал в эти годы старший современник В. Кубанева, поэт Владимир Луговской. Радостное нетерпение всю жизнь мучило Василия Кубанева.

Можно с уверенностью сказать: все, что было лучшего в его поколении, в одухотворенности эпохи, воплотилось в эмоциональных строчках стихов, очерков, статей и писем Василия Кубанева. Владимир Ильич Ленин был для него образцом Человека. Ленину он хотел посвятить большой роман-эпопею. «Сегодня моей душой овладел один огромный замысел...» — читаем мы в одном из писем шестнадцатилетнего Кубанева... Ритмы и рифмы трибуна революции «гудят» в строчках начинающего поэта Василия Кубанева, а лозунговые стихи Маяковского были для него руководством к действию: «Скоро всем нам счет предъявят: дни свои ерундой не мельча, кто и как в обыденной яви воплотил слова Ильича?»

И Кубанев не мельчил дни пустяками. Вспоминается в связи с этим дискуссия старшеклассников в одном из выпусков «Алого паруса» в «Комсомольской правде» в 1974 году. Спорили на тему «Можно ли думать о великом?». «Я раньше считала, что до окончания школы ничего не надо делать и не думать о том, что не касается учебы»,— пишет одна старшеклассница. О чем думал до окончания школы шестнадцатилетний юноша тридцатых годов Вася Кубанев, достаточно убедительно свидетельствуют его дневники. А думалось вот о чем: «Много, невыносимо много надо сделать нам, поколению второго двадцатилетия XX века. На наших плечах возлежит история». Вот так-то: возлежит история! Это ли не убедительный ответ нынешним шестнадцатилетним, выбирающим, о чем думать?

И Кубанев спешит овладеть культурой, которую выработало человечество.

«Сегодняшний вечер и ночь заняты — нужно ответить на письма. Все остальное время отдам философии и психологии».

«Книгу (одну) я прочитываю каждый день. И читаю с подчеркиваниями и с выписками».

«Год тому назад я начал самостоятельно изучать французский язык — не по учебникам, а по романам. Через девять месяцев я уже прочел на французском языке две книжки».

«Читаю Цезаря по-латыни».

«По-немецки... иногда пишу двум из друзей своих».

«Очень много мыслей. Строк четыреста в день записываю в своих заметках. И, как всегда в таких случаях, чувствую хороший подъем».

Все приведенное — записи ученика десятого класса, живущего отнюдь не в столице, а в Мичуринске, затем Острогожске. Строчки эти, как и вся жизнь Василия Кубанева,— убедительный ответ тем юношам и девушкам, которые жалуются на бедность «захолустной» жизни. Видимо, независимо от географии, можно взрастить в себе и «захолустье» и «столицу духовного счастья». И вот как это становление «столицы в себе» происходило, как накапливался духовный потенциал одаренного юноши вопреки обстоятельствам (а именно так всегда и бывает), как «шли, стремясь душою ввысь», интересно и поучительно нам, живущим в годах семидесятых.

Радость должна иметь имя. Для Кубанева это была жажда познания. «Разве не стоит отдать жизнь на то, чтобы узнавать. Стоит, конечно, стоит». И та же мысль, стихами оформленная:

Я — как и все, но я хочу быть выше,
Взмыть над собой...

И хотя в сборниках Кубанева есть лишь ссылка на роман Н. Островского, читателя не оставляет ощущение духовного родства литературного героя с его младшим современником. Роднит Кубанева с Павкой Корчагиным та же бескомпромиссность, та же одержимость жаждой знаний, та же колоссальная работоспособность, тот же классовый подход к оценке явлений, то же стремление посвятить свою жизнь главному делу, ради которого стоит жить,— духовному раскрепощению человечества.

Кубанев ценен и интересен нам прежде всего потому, что он был сыном своего времени, потому что формула его личности: максимализм эпохи, помноженный на личную духовную одаренность. Конечно, он был сыном своего времени. Но он был в числе лучших сыновей. Ведь среди его поколения были люди всякие, потому так многолики проявления добра и зла. Ведь вырвалось же однажды у Кубанева недвусмысленное признание: «Меня удивляет и возмущает в моем поколении дьявольская самовлюбленность и легкомыслие». Слова подобные можно нередко услышать и о сегодняшней молодежи из уст старших наставников. Личный пример Кубанева — еще одно подтверждение непрочности легкомысленных обобщений. И пример Кубанева, самостоятельно осваивающего ценности жизни,— пример поучительный.

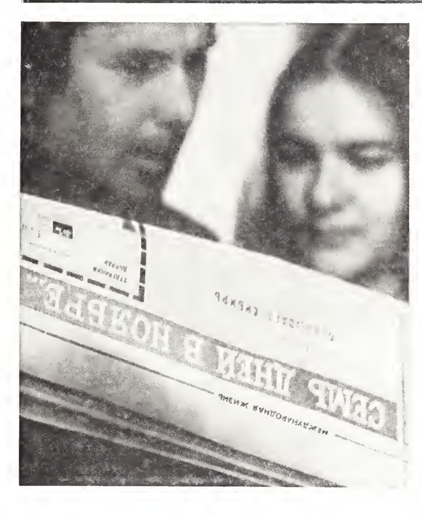
Лучше всего Василий Кубанев, мечтавший жить так, чтобы «ни словом не налгать потомкам», беседует с нами сам, своими строчками, поэтому позволю себе еще привести отрывок «из Кубанева»:

«Пусть даже я никогда не научусь писать хорошие книги — не беда! У меня остается жизнь, которая, как бы ни была она мала и как бы ни казалась бедна, всегда сильнее книг, потому что она вечна и сверкающа, а книги — только слабые и краткие отблески ее».

Николай ТИМОФЕЕВ

---

[1] В издательстве «Молодая гвардия» в 1973 году вышел сборник литературного наследия В. Кубанева «Если за плечами только восемнадцать...».

Эрнст ГЕНРИ

СЕМЬ ДНЕЙ НЕДЕЛИ

Это не о календаре и не о погоде, а об одной странице одной газеты. Каждую среду в «Литературной газете» так примерно озаглавлена 9-я полоса.

Страничка эта полностью посвящена международным делам. Это и побуждает меня писать о ней.

В нашу эпоху нельзя жить, не интересуясь международной политикой: она слишком активно интересуется нами самими. Это не фраза, а точный факт. Отцы и деды нынешней молодежи могут во всех подробностях рассказать о том, что это значило в их собственной жизни. Считать, что современного молодого поколения в отличие от старшего это уже меньше касается, наивно. То, что происходит за рубежом, и в связи с этим наша собственная внешняя политика становятся теперь ДЛЯ ВСЕХ важнее с каждым днем.

9-я полоса «Литературки» хороша тем, что она в какой-то мере — пусть и не всегда — динамична. Нет длинных, скучноватых статей. Нет нудных, не очень существенных рассуждений. Особенность полосы — публицистическая острота. Идет живая артиллерийская перестрелка с противниками — с теми, что на Западе, и с теми, что на Востоке.

Сегодня — атака на беснующихся расистов, через неделю — дуэль с западногерманским реваншистом, через месяц — разгадка какого-то секрета НАТО. Временами — повторяю, не всегда — кажется, что сидишь в кино и смотришь документальный фильм с довольно дерзким сценарием.

Вот постоянные рубрики 9-й полосы «Литературки»: «С места события», «За кулисами события», «Актуальное интервью», «Сообщаем подробности», «Реплика», «Совершенно секретно», «Китай сегодня», «Летопись разрядки» и другие. Пестро? Но разве не таков современный мир, где бури одна за другой чередуются на всех пяти континентах, где «тихих» уголков уже нет и не будет?

«ВСЯ НАША ПЛАНЕТА — ГОРЯЧАЯ...»

К 70-летию Романа КАРМЕНА

Другу Роману Кармену, кинематографисту, которого любят и уважают во всем мире, чье художественное творчество проявилось во всех частях света, где народы сражаются за свободу, с сердечными чувствами и уважением от товарища президента Чили

Сальвадора АЛЬЕНДЕ.

(Надпись на фотографии)

В рабочем кабинете Романа Кармена я просматриваю фотографии разных лет. Их сотни. Удивительный по своему масштабу мир раскрывается передо мной. Мировая история, все величайшие события, начиная с двадцатых годов нашего столетия.

И люди, люди, люди... Славные, блистательные имена, гордость человечества. Георгий Димитров и Фидель Кастро, Долорес Ибаррури и Пабло Неруда, Че Геварра, Хо Ши Мин, Джавахарлал Неру. Всех не перечислишь, обо всех не расскажешь. Встреченные на разных дорогах жизни, запечатленные на кинопленке, они стали друзьями, частицей жизни советского кинодокументалиста.

— Иногда меня спрашивают,— говорит Роман Лазаревич,— если бы я, вернувшись в юность, еще раз выбирал профессию, кем бы я стал? Я отвечаю: кинодокументалистом. Почему мне дорога эта профессия? Она давала мне возможность всегда быть в гуще жизни, в гуще событий, среди людей. Мы часто говорим о «горячих точках планеты». Для меня вся наша планета — горячая. И дело не в том, стреляют ли на этой земле, бомбят ли там, или не бомбят. На всей планете кипит жизнь, интересная, увлекательная жизнь народов и стран. Конечно, мне везло в моей профессии: с кинокамерой я принимал участие во многих острейших схватках народов за свою независимость, против фашизма и колониализма.

...Я вспоминаю многие рассказы Романа Кармена, книги, написанные им. В них очень четко проведена мысль: главное в биографии документалиста не в том

На снимке вверху — Р. Кармен на фронте. 1941 г.

Р. Кармен и Ф. Кастро.

что он видел в жизни, главное — как смотрел он на все это, как его ощущения претворялись в кинорепортажи, в фильмы, в лаконичные сюжеты киножурналов.

...Из детства тянулись эти воспоминания. Оживали в памяти рассказы отца, одесского литератора Л. О. Кармена, о 1905 годе... Море было теплым и ласковым, только в воздухе пахло гарью и порохом. И живой людской поток устремился к концу мола, к палатке, сделанной из парусов. Там лежал матрос Вакулинчук, свезенный командой броненосца для похорон. На груди у него, на скрещенных руках, лежала записка: «Господа одесситы. Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакулинчука, убитого старшим офицером броненосца...» А в конце — призыв: «Один за всех, и все за одного». И плакали женщины, целовали руки покойного. Слышались рыдания...

Сотни пароходных гудков и сирен. Толпа, ораторы.

Ночной пожар в порту...

...Эти рассказы вспомнил Роман Кармен на горящей испанской земле, когда в порту Барселоны снимал толпы ликующих людей — они приветствовали революционный крейсер «Хаймэ примеро», ставший на сторону республики. Был август 1936 года.

Тогда весь мир жил событиями в Испании, народ которой первым бросил вызов фашизму, стал на защиту человеческого достоинства, и все вдруг поняли, что ни отмолчаться, ни откупиться уже нельзя.

Надо было сражаться.

И в Испании сражались граждане многих стран, продемонстрировав в борьбе за республику силу высочайшего пролетарского интернационализма.

Многие тысячи метров пленки сняли в эти месяцы советские кинооператоры Кармен и Макасеев. Из этих кадров были смонтированы киновыпуски «К событиям в Испании», фильм «Испания», в котором режиссер Э. Шуб и писатель В. Вишневский от простой репортажной событийности сумели подняться до больших обобщений.

Из этих кадров в Голливуде был смонтирован фильм «Испания в огне», текст к нему написал Эрнест Хемингуэй. В Париже из хроники Романа Кармена прогрессивные художники Франции создали фильм с комментариями Ильи Эренбурга.

Да и позднее многие кинематографисты возвращались к этим съемкам в своих антифашистских фильмах.

Бывает, что происходящее сегодня властно вынуждает перелистать страницы прошедшего. Сам Кармен вернулся к этому материалу через тридцать лет. Вернулся вместе с писателем Константином Симоновым. Вернулся, потому что надо было рассказать нынешнему поколению о тех наших парнях, что дрались в Испании,— о них так мало писалось и говорилось. Хотелось вспомнить интернациональные бригады, осажденный Мадрид, траншеи Гвадалахары... Но самое главное — рассказать о том, какое место заняла Испания в жизни поколения, первым вышедшего на бой с фашизмом.

В послевоенные годы, в разгар жесточайших репрессий и расправ Франко не уставал повторять, что в Испании царят «социальный мир и порядок».

Спустившись по трапу самолета в Барселонском аэропорту, Константин Симонов и Роман Кармен сразу попали в кольцо фотографов и кинорепортеров. Их буквально засыпали градом вопросов. Молодая журналистка поинтересовалась у Кармена, где он изучал испанский язык. «На минуту я задумался,— вспоминает Кармен.— Сказать ей?.. Да, умалчивать не было смысла, ответил напрямик:

— Я был в Испании.

— Когда были? — Она насторожилась.

— В 1936—1937 годах,— сказал я.

Забегали по блокнотам журналистские карандаши. Вокруг меня сомкнулись жаждущие сенсации газетчики. Кто-то из них метнул вопрос:

— Вы участвовали в гражданской войне?

— Да, снимал кинорепортаж. Да, разумеется, на стороне республиканцев... Да, да, вернулся через тридцать лет в Испанию, которая мне дорога, близка...»

Там, на полях Испании, среди развалин горящих городов, человек с киноаппаратом проходил первую школу мужества, без которого нельзя, невозможно было снимать человеческое горе, трагические кадры, ставшие обвинительными документами истории.

«Он молодец,— вспоминал Михаил Кольцов о Кар-

Р. Кармен в сражающемся Вьетнаме.

мене в своем «Испанском дневнике»,—...живой, храбрый, веселый. Поспевает всюду в нужные и важные места».

Еще задолго до Испании, в сентябре 1923 года, пришел к Михаилу Кольцову, бывшему тогда редактором «Огонька», семнадцатилетний студент рабфака Роман Кармен. Юноша был новичком в журналистике, но Кольцову очень хотелось помочь сыну писателя Лазаря Кармена, умершего в апреле 1920 года, через несколько месяцев после освобождения из застенков белогвардейской тюрьмы в Одессе.

Вскоре на страницах «Огонька» появился первый репортерский снимок с подписью: «Фото Р. Кармена»...

В течение нескольких лет молодой репортер учился оперативности, искал новые выразительные средства. Пожалуй, именно в эти годы рождался репортерский стиль Кармена. И хотя фотоснимки его завоевывали все большее признание и получали призы на различных выставках, молодого журналиста все сильнее и сильнее тянул к себе документальный кинематограф.

После киноинститута, в который он поступил в 1929 году, Кармен много колесил по Советскому Союзу. Какое разнообразие сюжетов было снято начинающим кинодокументалистом!

Тогда им были сделаны и первые открытия в области звукового репортажа.

Кармен всегда был первооткрывателем...

И в пустыне Каракум, где до Испании он успел побывать дважды: в первый раз — с кинокамерой, а второй, совмещая профессию кинооператора с обязанностью водителя одной из автомашин пробега.

И в Испании и в героическом революционном Китае, мужественно боровшемся против захватчиков.

...В просмотровых залах сегодня мы часто смотрим хронику прошлых лет, включаем ее в новые фильмы. Но редко думаем о том, как он велик — человек с киноаппаратом, этот пытливый и жадный летописец эпохи. Какую большую, трудную и яркую жизнь прожили многие кинохроникеры.

Когда в 1949 году Роман Кармен начал снимать фильм о нефтяниках Каспия, кто-то сказал ему: «Это можно снять в две недели. Ведь все под рукой — буровые, строительные краны, резервуары, люди». Но он провел полгода на Нефтяных Камнях, вместе с операторами Д. Мамедовым, А. Зенякиным, С. Медынским, вживаясь в суровый быт рабочих, снимая драматические эпизоды, которые разыгрывались на свайных площадках во время жестоких штормов.

Умение ломать установившиеся штампы, находить новые подходы к материалу, умение прокладывать новые пути — эти качества Кармена-оператора унаследовал и Кармен-режиссер. Не случайно фильмы о нефтяниках Каспия и зрители и кинематографисты встретили с большим интересом. А режиссер и операторы были удостоены звания лауреатов Ленинской премии.

Рассказывая о некоторых страницах жизни и деятельности блистательного мастера нашего документального кино, я ловлю себя на мысли, что больше вглядываюсь в далекое прошлое. Быть может, потому, что сегодняшние фильмы Кармена еще идут с огромным успехом по экранам мира, сражаются как солдаты на поле битвы.

Толчком к серии фильмов о Латинской Америке стал фильм о революционной Кубе «Пылающий остров».

«Мне кажется, что была какая-то закономерность в том, что меня сильно потянуло на Кубу, когда по миру прошла весть о победе кубинской революции,— вспоминает Роман Кармен.— Для меня это было перекличкой с Испанией. Они казались мне давними знакомыми — эти бородатые люди с автоматами, прошедшие через сражения в Сьерра-Маэстра и триумфально вступившие в Гавану. Тут было, очевидно, и более глубокое явление — эстафета борьбы народов за свое освобождение. Но, снимая на Кубе, я видел, что она — частица огромного и многострадального континента, где все народы борются за свое освобождение.

И борьба этих миллионов ограбленных людей все время привлекала мое внимание».

Через десять лет после Кубы Кармен вернулся в Латинскую Америку, проехал ее вдоль и поперек от Огненной Земли до Панамского канала, снял и смонтировал яркий двухсерийный фильм «Пылающий континент», где впервые мы увидели и многие страны

Р. Кармен и Э. Хемингуэй.
Испания, 1936 г.

и многих людей, полюбили их, узнали их тяжкий, суровый труд.

Потом был рассказ о трагедии Чили — «Чили. Время борьбы, время тревог».

Потом «Комарадос» — «Товарищи» — третий фильм трилогии.

И, наконец, «Сердце Корвалана» — самый последний пока фильм Кармена, фильм большого гражданского звучания, огромного темперамента и высокого трагедийного накала.

Об этих последних фильмах много написано и много сказано.

Во время работы над фильмом «Рядом с солдатом», который был посвящен фронтовым кинооператорам и журналистам, мы со сценаристом К. Славиным предложили Роману Кармену быть одним из комментаторов фильма, рассказать о своих товарищах — живых и павших. Ибо он прошел по всем дорогам войны, снимал сражения под Москвой — нашу первую победу над фашизмом, был в блокадном Ленинграде, где работал с героическими ленинградскими хроникерами, бок о бок с ними создавал фильм «Ленинград в борьбе». Потом Сталинград, съемки капитуляции, пленения Паулюса, дороги победы, радость освобождения родной земли и порабощенных стран Европы, битва за Берлин. Как и его товарищи по профессии, Кармен летал на боевые задания, трясся по разбитым дорогам войны, прижимался к земле, укрываясь от бомбежек, испытал все радости и горести войны и встретил день Победы на ступенях рейхстага в Берлине. Война, на которую он выехал с кинокамерой 25 июня 1941 года, закончилась для него только в 1946 году последними кадрами Нюрнбергского трибунала.

Созданный им фильм «Суд народов» показал мгновения, которые подвели черту под беспримерной по своим масштабам борьбой против фашизма.

...Сегодня в советском документальном кинематографе работает уже несколько поколений молодых режиссеров, воспитанных народным артистом Советского Союза, лауреатом Ленинской и Государственных премий, Героем Социалистического Труда Романом Лазаревичем Карменом.

— Меня очень увлекает работа в Институте кинематографии,— отвечает Кармен на один из моих вопросов.— У меня мои ученики. И мне бывает радостно, когда в них я нахожу продолжение того, что создали на протяжении десятилетий советские документалисты, вижу новые поиски, талантливые дерзания... Что касается своих творческих планов... 70 лет — это серьезная дата в жизни человека. Оглядываешь прошлое, видишь, что многое сделано, но многое и не успел... У меня зреет мысль — сделать фильм на материале своих съемок за 50 лет, фильм-мемуары, воспоминания и размышления современника, свидетеля эпохи... И, может быть, спустя сорок лет снова оказаться с кинокамерой на испанской земле...

И. ГЕЛЕЙН

КОРОЛЕВ, ПОКА ОН ЕЩЕ НЕ СТАЛ КОРОЛЕВЫМ

Молодые инженеры из конструкторского бюро академика Королева рассказывали мне, как однажды, уже после гагаринского полета, пришли они к Сергею Павловичу с просьбой помочь им в организации авиаклуба и планерной секции.

— Вы не представляете, какой это замечательный спорт! — с жаром воскликнул один из них.

Опустив подбородок к груди, Королев поглядел на него поверх очков, улыбнулся и сказал:

— Ну почему же... Представляю...

В те годы мало кому известна была биография великого конструктора, и молодые инженеры не знали, что в домашнем архиве бережно хранит Сергей Павлович маленькую книжечку в коленкоре цвета морской волны, которой гордился он не меньше, чем дипломом МВТУ: «Пилотское удостоверение», выданное Королеву 2 ноября 1929 года.

«Строить летательные аппараты и летать на них»,— эту программу жизни наметил Сергей Королев еще в юные годы и не отступал от нее всю жизнь. Все началось с планеров. Первый проект будущего Главного конструктора, планер К-5, создан был еще в Одессе, где Сергей заканчивал стройпрофшколу. Он строит планеры и в Киеве, и в Москве, проектирует совместно с С. Н. Люшиным, другом юности, планер «Коктебель», затем «Красную звезду», активно участвует в планерных слетах в Крыму. Но при всей юношеской увлеченности планеризмом Коро-

Старейший фотомастер Виктор Тюккель, который в тридцатые годы тоже занимался планеризмом и имел удостоверение пилота-парителя класса «А», предложил нашему журналу два снимка молодого Королева. Первый снимок (стр. 105) был сделан на планерном слете в Коктебеле: крайний справа — Сергей Королев, крайний слева — начинающий авиаконструктор Олег Антонов. На снимке слева — Королев и Кошиц «у разбитого корыта»...

лев мечтал стать настоящим летчиком, летать на настоящих самолетах. В феврале 1929 года в Москве начала работать школа летчиков, куда поступил и 22-летний Королев. Всю весну и лето занимался он в этой школе, а в августе совершил первый самостоятельный полет.

Дипломная работа студента С. П. Королева — авиетка, маленький легкий самолетик. Руководитель диплома, совсем еще не старый — 41 год — и уже очень известный Андрей Николаевич Туполев вспоминал: «Королев был из числа самых «легких» дипломников: я сразу увидел, чего он хочет, достаточно было лишь слегка помогать ему, чуть-чуть подправлять. Я быстро убедился, что этот человек умеет смотреть в корень. Уже тогда у меня сложилось прекрасное впечатление о нем, как о личности и как о талантливом конструкторе. Я сказал бы, что он был человеком, беспредельно преданным своему делу, своим замыслам. Я с самого начала почувствовал к Королеву расположение, и надо сказать, что он всегда также отвечал мне большой сердечностью...»

Для получения диплома требовалось разработать проект, но Королев стал К о р о л е в ы м именно потому, что все его мысли мгновенно материализовались, все идеи можно было «потрогать». Авиетка была построена уже после окончания МВТУ. Сергей Королев и летчик Дмитрий Кошиц совершили на ней первый полет в сентябре 1930 года. Газета «Вечерняя Москва» писала об «известном инженере С. П. Королеве», которым был «сконструирован новый тип легкого двухместного самолета СК-4». Еще и года не прошло, как «известный инженер» окончил высшую школу, но на своем самолете он уже летал сам, чаще всего с Кошицем.

Летом 1931 года во время испытаний авиетки заглох ее слабенький мотор. Высота была так мала, что отвернуть на поле Кошиц — он летел один — не мог. СК-4 упал на крышу ангара. Сергей Павлович так прокомментировал снимок, запечатлевший это грустное событие:

У разбитого корыта
Собралася вся семья.
Морда Кошица разбита,
Улыбается моя.

Корыто «известного инженера» было разбито, но золотая рыбка уже билась в его сетях: как раз в это время знакомится Сергей с работами Циолковского, в эти дни задумывается он над применением принципов ракетного полета для достижения еще невиданных высот и скоростей. Именно тогда Королев делает первые шаги на длинном и тернистом пути, который ведет его к Главному конструктору К о р о л е в у.

Ярослав
ГОЛОВАНОВ

N11·76

